

МИХАИЛ ЗЫГАРЬ

главный редактор телеканала «ДОЖДЬ»

**ВСЯ КРЕМЛЕВСКАЯ РАТЬ
КРАТКАЯ
ИСТОРИЯ
СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ**

Михаил Викторович Зыгарь

Вся кремлевская рать. Краткая история современной России

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11973425

Вся кремлевская рать: Краткая история современной России / Михаил Зыгарь:

Интеллектуальная литература; Москва; 2016

ISBN 978-5-9614-4018-8

Аннотация

Эта книга рассказывает об истории России на всем протяжении правления Владимира Путина, с 2000 по 2015 год. В основу книги легли документы, открытые источники и десятки уникальных личных интервью, которые автор взял у действующих лиц из ближайшего окружения Владимира Путина. Собранные воедино, факты, события, интриги и мнения героев составляют полную картину жизни Кремля, из которой впервые становится понятна логика метаморфозы Владимира Путина: как и почему из либерального прозападного президента начала 2000-х он превратился в авторитарного правителя и одного из самых ярких противников Запада.

Содержание

Введение	5
Часть I	7
Глава 1	7
Похоронить Ленина	7
Новогодняя сказка	11
Советская роскошь	13
Первый друг	14
Алюминиевый крестик	16
Тучные нулевые начинаются	18
Глава 2	21
Упаковать Гуся	21
Подводная лодка	23
Новый Андропов	25
Расплата по долгам	26
Антитеррористический интернационал	28
Уникальный журналистский коллектив	31
Норд-ост	34
Королевская свадьба	35
Глава 3	38
Шашлычные табу	38
Парламентская республика	40
Новая элита	41
Призрак залоговых аукционов	42
Выбор сделан	44
Операция «Энергия»	45
Миссия выполнена	48
Семья исчезает	49
Последний член Семьи	50
Часть II	53
Глава 4	53
Дима	53
Идеальный кандидат	56
Удвоение ВВП	58
Гламурное лето	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Михаил Зыгарь

Вся кремлевская рать. Краткая история современной России

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

Издательство выражает благодарность Литературному агентству Галины Дурстхофф за содействие в приобретении прав на произведение.

Редактор *Карен Шаинян*
Проверка фактов *Сырлыбай Айбусинов*

© Михаил Зыгарь, 2016
© ООО «Интеллектуальная литература», 2016
© Электронное издание. ООО «Альпина Диджитал», 2016

* * *

Введение

Начиная работу над книгой, я думал, что это будет история о том, что произошло с Россией за последние 15 лет, как менялось мироощущение и мировоззрение Владимира Путина и его ближайшего окружения, как все начиналось и к чему это все нас привело. Но оказалось, что участники событий никогда не помнят, что случилось на самом деле. Каждый конструирует воспоминания так, чтобы выглядеть в них пристойно, героически и, главное, чтобы быть всегда правым. За годы работы я проинтервьюировал несколько десятков человек из ближайшего окружения Владимира Путина: сотрудников администрации президента, членов правительства, депутатов Государственной думы, предпринимателей из списка *Forbes* и зарубежных политиков. Почти каждый из них рассказывал свою историю, которая иногда не пересекалась с историями других персонажей. Герои часто забывали факты, путали время и даже не могли вспомнить свои собственные поступки и слова. Как правило, они просили на них не ссылаться. Впрочем, мне удалось опросить такое количество участников, что картина получилась достаточно ясной.

В сухом остатке вышла история о том, как человек случайно стал королем. Поначалу он просто хотел удержаться. Ему стало везти, и он решил, что может стать удачливым борцом и реформатором – королем Львиное Сердце. И захотел войти в историю. Но потом захотел хорошей жизни. И стал королем Великолепным. Потом устал и захотел отдохнуть. Но понял, что уже не может позволить отдых, поскольку он часть истории. Потому что он уже царь Грозный.

Как в нем происходили все эти перемены? Во многом благодаря его окружению, разнородной свите, которая усердно все эти годы играла короля. Ближний круг подхватил его и, манипулируя страхами и желаниями, понес вперед. Туда, где сам он вовсе и не чаял оказаться.

Если восстанавливать события, зная, чем они закончились, история кажется очень логичной. Может даже появиться ощущение, что все с самого начала шло именно к тому, к чему пришло сейчас, вырисовывается некий изначальный план. Герои задним числом придумывают обоснования собственным действиям. Находят причины, которых не было в действительности, и логику, о которой они прежде даже не подозревали.

Однако эти 15 лет истории России, даже чуть больше, не имеют четкой логики. Цепь событий, которую мне удалось восстановить, обнаруживает отсутствие плана или ясной стратегии у Путина и его окружения. Все, что происходит, – это тактические шаги, оперативное реагирование на внешние раздражители, не ведущие ни к какой конечной цели.

Пристальное разглядывание поступков и мотивов российских политиков в последние 15 лет доказывает, что теория заговора неверна. Если есть малейшее сомнение в том, что именно послужило причиной того или иного события – злой умысел или ошибка, то всегда нужно выбирать второе.

Знали ли российские руководители в 2000 году, к чему они придут через 15 лет правления? Нет. Знали ли они в 2014 году, как встретят 2015-й? Тоже нет.

Когда я пишу «руководители» во множественном числе, это вовсе не ошибка. Принято считать, что все решения в России принимает только один человек – Владимир Путин. Это правдиво лишь отчасти. Все решения действительно принимает Путин, но Путин – не один человек. Это огромный коллективный разум. Десятки, даже сотни людей ежедневно угадывают, какие решения должен принять Владимир Путин. Сам Владимир Путин все время угадывает, какие решения он должен принять, чтобы быть популярным, чтобы быть понятым и одобренным огромным коллективным Владимиром Путиным.

Это коллективный Владимир Путин все годы конструировал свои воспоминания, чтобы доказать себе, что он прав. Чтобы убедить себя, что его действия логичны и у него есть план и стратегия, что он не совершал ошибок, а был вынужден так поступить, поскольку боролся с врагами, вел тяжелую и непрерывную войну.

Поэтому моя книга – это история воображаемой войны. Войны, которую нельзя закончить, иначе придется признать, что ее никогда не было.

Часть I

Путин I Львиное Сердце

Глава 1

В которой Александр Волошин, идеолог кремля, научился терпеть Ленина

Александр Волошин – образцовый капиталист. В его внешности есть что-то от американского Дяди Сэма, каким его рисовали на советских карикатурах: седая бородка, холодный пронзительный взгляд (для полноты образа не хватает только котелка, мешка долларов и бомбы за спиной).

Офис Волошина в центре Москвы, на Полянке, в десяти минутах ходьбы от Кремля, очень аскетичен, тут есть все, что нужно, но нет никакой роскоши – тайному властителю мира она не нужна.

Волошин явно не оратор – говорит тихо и даже слегка заикается, когда злится. А еще любит злоупотреблять английскими словами. Не англицизмами, а именно иностранными словами, которыми оперирует в деловой жизни. «Ситуация на Украине уже не очень manageable». «Надо, чтобы в голове всегда была agenda». «Настал полный deadlock». «Важны мнения основных stakeholders». Он делает это не нарочито – ему так проще, ведь он не политик, а бизнесмен.

Свою главную историческую миссию Волошин, наверное, считает выполненной: он обеспечил политическую стабильность и капитализм – и на покой. Он говорит, что не жалеет о своей нынешней неспособности повлиять на политику.

О политике он предпочитает говорить в сугубо деловых терминах: «Американцы создали у себя огромную, диверсифицированную, восприимчивую к инновациям экономику благодаря жесточайшей конкуренции. Такая же напряженная конкуренция видна в американской политике, в том числе внутри основных политических партий. И благодаря этому они сформировали устойчивую политическую систему, отвергающую крайности. А вот в международной политике Соединенные Штаты после исчезновения Советского Союза стали де-факто монополистами. И в отсутствие конкуренции стали самоуверенными, неэффективными, неразумными. Наделали кучу серьезнейших ошибок, нанесли огромный ущерб международной безопасности и самим себе». Впрочем, об Америке он отзывается хоть и с изрядной критикой, но все же любовно, с неожиданными деталями: там он случайно познакомился с Джебом Бушем, а тут увидел старую знакомую Кондолизу Райс, но решил не здороваться.

Настоящую ярость у него вызывает украинский вопрос: тут он переходит с английского на русский. Политика украинских властей в отношении русскоязычного населения его возмущает: «Попробовали бы канадцы так вести себя с франкоговорящими жителями Квебека. Они бы еще не такое получили».

Похоронить Ленина

В 1999 году в Кремле был разработан четкий план по захоронению Ленина. Его тело предполагалось вынести из Мавзолея на Красной площади и увезти в Санкт-Петербург глу-

бокой ночью, в обстановке строжайшей секретности. Утром все проснулись, а Ленина уже нет на Красной площади.

Точно так же, 38 годами ранее, поздним осенним вечером из Мавзолея вынесли тело Сталина – его, правда, далеко не увезли, а похоронили рядом, у Кремлевской стены. Для Никиты Хрущева, тогдашнего советского лидера, это было символом десталинизации и развенчания культа личности.

Перезахоронение Ленина должно было пройти «достойно и без хамства», вспоминают сотрудники кремлевской администрации. Просто после этого нужно было бы на пару месяцев взять в оцепление Волковское кладбище в Санкт-Петербурге (место, где похоронены мать и сестры Ленина и, по легенде, завещал похоронить себя основатель Советского государства). И потерпеть несколько месяцев протестов партии коммунистов. После этого страсти улеглись бы: планировалось разобрать Мавзолей и построить на этом месте памятник жертвам тоталитаризма, чтобы никому неповадно было его сносить. Это должно было стать решающим ударом по коммунистической идеологии. На тот момент для Кремля это была важнейшая задача: не допустить советского реванша и победить коммунистов.

Кабинет главы кремлевской администрации Александра Волошина находился примерно в 10–15 метрах от саркофага Ленина в Мавзолее. Рассказывают, что Волошин любил шутить: «От меня до трупа не больше 15 метров по прямой. Он там лежит, я тут работаю. Мы друг другу не мешаем».

На самом деле Ленин очень мешал. Президенту Борису Ельцину он мешал покончить с прошлым – для него захоронение вождя стало бы символом того, что настали новые времена и случившиеся перемены необратимы, как и захоронение Сталина для Хрущева 36 лет назад. Впервые похоронить Ленина предложил еще в 1991 году первый мэр Петербурга Анатолий Собчак, но и тогда, и в последующие годы Ельцин не мог выполнить его просьбу – не хотел идти на ненужный конфликт с коммунистами.

Для Волошина же Ленин был не столько символом, сколько конкретным, всегда живым игроком в актуальной политике. Борьба с коммунистической партией была важнейшей частью каждодневных забот главного стратега Кремля. Ленин был для него козырем в рукаве, возможностью дать противнику под дых. Коммунисты стали главной силой в парламенте и поэтому имели возможность торпедировать любую критически важную реформу. А после кризиса 1998 года коммунисты фактически контролировали и правительство, которое возглавлял 69-летний Евгений Примаков, бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС и бывший министр иностранных дел России.

До истечения президентского срока Бориса Ельцина, прописанного в конституции, оставалось чуть больше полутора лет – и, казалось, никогда коммунисты еще не были так сильны. Компартия запустила процедуру импичмента президента Ельцина, обвинив его по пяти пунктам: развал СССР, разгон парламента в 1993 году, война в Чечне, развал армии и геноцид русского народа. Премьер-министр Примаков, за которого коммунисты проголосовали единогласно, занимал первое место в рейтинге самых популярных политиков страны и казался самым перспективным кандидатом в президенты.

Особую популярность принес ему яркий антиамериканский жест – разворот над Атлантикой. 24 марта 1999 года Примаков летел в Вашингтон, когда ему позвонил вице-президент Альберт Гор и сообщил, что США начинают бомбардировки Югославии с целью прекращения конфликта в Косово. Возмущенный Примаков развернул свой самолет и вернулся в Москву. Российская пресса – прокремлевская и либеральная – раскритиковала Примакова за популизм, заигрывание с коммунистическим электоратом. Первая в СССР и главная на тот момент в России деловая газета «Коммерсантъ» уверяла, что из-за демарша Примакова Россия потеряла \$15 млрд, которые могла бы заработать в результате подписания подготовленных в Вашингтоне соглашений: «Тем самым премьер-министр России сде-

лал свой выбор – выбор настоящего коммуниста. Большевика, готового полностью пренебречь интересами своей Родины и народа в угоду интернационализму, понятному только ему и бывшим членам КПСС», – негодовал «Коммерсантъ»¹.

Разворот над Атлантикой стал первым жестом государственного антиамериканизма в 1990-е годы и показал, насколько он может быть популярен среди лишенного чувства национальной гордости населения. Он же стал и началом решающей схватки за власть: консерваторов-антизападников, знаменем которых стал Примаков, и либеральных и прозападных сил, требующих не допустить советского реванша, у которых не было лидера, но имелся тайный координатор – глава кремлевской администрации Александр Волошин.

В этой ситуации коммунистов надо было вывести из равновесия. И ритуальным сокрушительным ударом могло стать перезахоронение Ленина. Но помешало законодательство. По действующему законодательству, перенести тело Ленина можно было в одном из трех случаев. Либо по прямой воле потомков – но родственники Ленина были категорически против. Либо по решению местных властей (т. е., по сути, мэра Москвы Юрия Лужкова) «при нарушении санитарных и экологических требований к содержанию места погребения» – а он готовился вступить в борьбу за власть явно не на стороне Кремля и либералов. Либо если могила мешала проезду общественного транспорта. Но никак не по прямому указу президента. Нарушение этого закона считалось уголовным преступлением. Добавлять к пяти пунктам обвинений против президента, которые выдвинули коммунисты в парламенте, еще и вандализм было слишком рискованно. Поэтому в Кремле решили совершить другой резкий ход – ударить не по Ленину, а по Примакову.

12 мая 1999 года, за три дня до голосования по импичменту в Государственной думе, Примакова отправили в отставку с официальной формулировкой «за отсутствие динамизма в реформах при решении экономических проблем». 15 мая коммунисты не набрали необходимых 300 голосов для начала процедуры импичмента – администрация президента качественно поработала с парламентариями, почти все независимые депутаты проголосовали против. Это была тактическая победа Волошина, но она не отменяла главного вопроса. Как предотвратить победу альянса коммунистов и Примакова через год, когда второй президентский срок Ельцина истечет?

Главной сложностью было то, что вокруг Ельцина практически не было политиков, обладающих хоть каким-то политическим рейтингом. Рейтинг самого престарелого президента Ельцина был почти отрицательным – во многом из-за обвинений, которые пресса и оппозиция (в первую очередь коммунисты) выдвигали в адрес его семьи. В тот период пресса писала слово «Семья» с большой буквы, имея в виду, что семья президента имеет особый, иногда даже непропорционально большой вес в государстве, а возможно, и в бизнесе. Под Семейей понимали в первую очередь Таню и Валю (их пресса называла обычно сокращенными именами, но все сразу понимали, о ком речь), т. е. Татьяну Дьяченко (дочь президента) и Валентина Юмашева (бывшего главу его администрации). Тогда они еще не были женаты – поженятся Таня и Валя только в 2001 году. В более широком смысле в Семью включали также самых близких к Тане и Вале олигархов: Бориса Березовского и Романа Абрамовича. Наконец, душеприказчиком Семьи был Александр Волошин – руководитель администрации президента Ельцина, именно ему приходилось разруливать ту почти безвыходную ситуацию, в которой оказался Кремль.

Волошина в Кремле иногда называли «отмороженным» за его жесткость и решительность в тех вопросах, которые казались ему принципиально важными, вроде идеи вынести Ленина из Мавзолея.

¹ Бородулин В. 15 000 000 000 долларов потеряла Россия благодаря Примакову // Коммерсантъ. № 047. 24.03.1999.

Выходец из бизнеса, проработавший в 1990-е годы в десятках компаний с разной репутацией, Волошин считался убежденным государственным, отстаивавшим интересы государства в том виде, в каком он их видел. Рыночная экономика казалась ему абсолютной жизненно важной ценностью, а права человека и свобода слова – не всегда полезной, иногда избыточной деталью.

Ситуацию, в которой оказался Волошин как главный менеджер Кремля, осложняло то, что у Семьи был очень сильный противник – мэр Москвы Юрий Лужков. Хозяин Москвы долгое время считался естественным наследником, хоть и антиподом Ельцина – как мэр Парижа Жак Ширак при престарелом президенте Франции Франсуа Миттеране. Его знала вся страна, но не как либерала или консерватора – никакой идеологии у Лужкова не было, – его знали как «крепкого хозяйственника».

Лужков хотел власти для себя лично и почти никогда этого не скрывал. Собираясь в президенты в 1998 году, Лужков создал свое движение «Отечество». В Кремле у него была группа сторонников, которая уговаривала Ельцина сделать ставку именно на Лужкова и выбрать его своим преемником. Но Ельцину Лужков не нравился.

С ним провели предварительные переговоры. Сейчас Лужков вспоминает, что в качестве эмиссара Семьи с ним встретился Березовский, который сказал, что его могут поддержать при выполнении двух условий: гарантии неприкосновенности для всей Семьи и гарантии неизбежности итогов приватизации. Лужков отказался, и ровно поэтому впоследствии, по его словам, против него была развязана информационная война.

Лужков был абсолютно уверен, что дела Семьи плохи и ей вряд ли что-то поможет. По слухам, глава следственного управления Генпрокуратуры уже подписал ордера на арест Тани и Вали. Настроение в Кремле недоброжелатели описывали так: успеют они или не успеют при случае доехать до аэропорта Шереметьево. Лужков вполне логично не хотел вступать в борьбу на стороне тех, кого он считал проигравшими. Он хотел объединиться с победителями.

Волошин, едва возглавив администрацию, пытался оказывать Лужкову знаки внимания, приезжал к нему в гости, пил с ним чай. Но эти чаепития ни к чему не приводили: Лужков не мог сдержаться и, когда видел слабость президента Ельцина, инстинктивно переходил в атаку. Однако информационная война между Лужковым и Семьей почти уничтожила и его рейтинг. Поэтому мэр Москвы решил схитрить. Он поддержал Примакова в расчете пропустить вперед престарелого патриарха нации, чтобы за его спиной переждать бурю, а через четыре года избраться самому.

Михаил Ходорковский, нефтяной олигарх, который в тот момент тесно общался и с Лужковым, и с Примаковым, уверен, что бросить вызов самому Ельцину они бы не решились, будучи глубоко системными людьми. По мнению Ходорковского, целью их борьбы было все же добиться от Ельцина права стать его преемниками. Однако на втором уровне – против окружения президента и его Семьи – битва шла всерьез.

Никакого противовеса популярному отставнику Примакову у Кремля не было. За год до окончания ельцинского срока Семья начала кастинг на должность преемника Ельцина. Он закончился только к августу – премьер-министром был назначен директор ФСБ Владимир Путин. Молодой, никому не известный, чекист, бывшая правая рука Анатолия Собчака, растерявшего былую популярность демократа первой волны.

За два дня до его назначения боевики из Чечни вторглись в соседнюю северокавказскую республику Дагестан. Так Путин стал первым премьером, которому не пришлось заниматься проблемами экономики и терять из-за этого рейтинг – он боролся с внешним врагом и только зарабатывал на этом очки. Месяц спустя террористы взорвали два дома в Москве – это стало ударом по позициям мэра Лужкова и еще немного помогло Путину.

Но все равно поверить в то, что скомпрометировавшая себя Семья сможет выиграть выборы, было невозможно. «Примаков – человек обреченный на то, чтобы выиграть президентские выборы» – так говорил в эфире главный телеведущий страны, председатель совета директоров телеканала НТВ Евгений Киселев всего за три месяца до Нового года, в сентябре 1999 года. Рейтинг Примакова был наибольшим, его поддерживал мэр Москвы Лужков и почти все российские губернаторы. Его финансировали две крупнейшие нефтяные компании страны, «Лукойл» и ЮКОС, ему давал деньги Владимир Евтушенков, которого называли «русским Биллом Гейтсом», его поддерживал «Газпром» и главный медиамагнат страны Владимир Гусинский, поэтому Примакова и хвалили на НТВ, самом авторитетном телеканале страны.

Главное даже не это. Три месяца оставалось до парламентских выборов. Прокремлевская партия ни разу еще не выигрывала думских выборов, а на этот раз все обстояло еще хуже. Никакой своей партии у Кремля не было. А вот у Примакова имелаась партия, которая рассчитывала выиграть парламентские выборы. В нее входили почти все губернаторы страны, а значит, административный ресурс по всей стране был именно на стороне Примакова. «Отечество – вся Россия», или сокращенно ОВР, была абсолютным фаворитом.

Мечты о захоронении Ленина снова пришлось отложить. Борьба с наследием коммунизма отошла на второй план – сначала нужно было победить бывшего коммуниста Примакова.

Новогодняя сказка

31 декабря Александр Волошин, глава администрации президента Бориса Ельцина, написал заявление об отставке. За час до этого его начальник, президент Ельцин, сам подал в отставку и назначил премьер-министра Путина исполняющим обязанности президента. Это означало, что сложнейшая операция по передаче власти – то, что журналисты назовут «Операция “Преемник”», – была успешно завершена.

«Зачем это?» – спросил Путин, увидев заявление Волошина. Тот с улыбкой объяснил, что главой администрации его назначил прежний президент, а значит, у Владимира Путина должна быть возможность назначить собственного руководителя администрации. Путин тоже улыбнулся и попросил Волошина остаться в своей должности. Новый хозяин Кремля и его старый-новый идеолог раскланялись и разошлись.

Всего за 12 дней до этого в России состоялись парламентские выборы, которые стали триумфом Волошина и его стратегии, – синтетическая партия «Единство» обошла главного конкурента, блок «Отечество – вся Россия», который возглавляли бывший премьер-министр Евгений Примаков и мэр Москвы Юрий Лужков. Еще три месяца назад эта победа казалась невозможной. Три месяца назад казалось, что следующим президентом России станет 70-летний Евгений Примаков, бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

В начале сентября Центризбирком зарегистрировал ОВР как участника выборов. Рейтинг партии составлял 30 % – она уверенно шла на первом месте, на 10 процентных пунктов опережая коммунистов. Ничто не предвещало катастрофы. Именно в такой ситуации, за три месяца до выборов, Александр Волошин начал собирать новую партию, которая бы помешала триумфу Примакова.

Крестным отцом «Единства» стал Борис Березовский. Именно его российская пресса в тот момент называла серым кардиналом Кремля, что, конечно, было преувеличением. Бывший ученый-математик, этакий рассеянный гений, Борис Березовский действительно фонтианировал идеями, которыми пользовался Кремль. К нему действительно прислушивались Тania и Валя, но зато его недолюбливал Ельцин. Ни разу в жизни у Березовского не было встречи с Ельциным с глазу на глаз – у олигарха не было личного доступа к президенту.

Но это Березовский компенсировал историями, которые сам рассказывал журналистам, – о том, что вся политика Кремля является продолжением его гениальных выдумок.

Но у истоков «Единства» и правда стоял Березовский – он сам ездил уговаривать нескольких знаковых губернаторов бросить Лужкова – Примакова и перейти в лагерь Кремля. Но довольно скоро Березовский потерял интерес к рутинной работе по партийному строительству – этим занялся молодой помощник Волошина (вскоре ставший заместителем) Владислав Сурков. Фактически это стало первой избирательной кампанией будущего путинского идеолога.

Всего в новый кремлевский проект удалось переманить 39 губернаторов, у Примакова осталось 45. Затем начались поиски лидера. Рисковать Путиным было опасно – если партия вдруг провалится на выборах, она погребет под собой и преемника, сделав его избрание невозможным. Поэтому для подстраховки решили найти другого популярного героя, им стал министр по чрезвычайным ситуациям, профессиональный спасатель Сергей Шойгу. Заголовки вроде «Шойгу идет спасать Россию» в прокремлевских газетах появились еще до того, как сам Шойгу согласился баллотироваться – уговаривать его пришлось самому Ельцину.

Финансировали новое объединение в первую очередь Березовский и Абрамович, хотя к фандрайзингу присоединились даже те, кто другой рукой давал деньги Примакову – бизнес подстраховывался. «Средний чек» составлял \$10 млн – по столько обычно скидывались олигархи. Всего бюджет нового пропутинского блока «Единство» составил около \$170 млн.

Волошин активно собирал под знаменами «Единства» и либеральную общественность. Кремлевский идеолог объяснял, что ОВР – это путь в прошлое, советский реванш, попытка КГБ вернуться к власти. (Примаков на излете перестройки действительно был назначен Горбачевым первым замдиректора КГБ, но до этого штатным сотрудником КГБ не был.)

На стороне «Единства» и Путина должны быть все либералы, реформаторы и те, кто хочет изменений, говорили в Кремле. На деле в «Единство» вошли примерно такие же региональные конъюнктурщики, что и в ОВР, – в основном те, кому в ОВР не хватило места. Тем не менее старт «Единства» был удачным. Главная проблема Примакова заключалась в том, что он был стар, а значит, очень похож на больного и немощного Ельцина. Путин и Шойгу, наоборот, были молоды и энергичны. К началу октября рейтинг ОВР снизился до 20 %, рейтинг «Единства» вырос с нуля до 7 %. Личные рейтинги Путина и Примакова составляли 15 и 20 % соответственно.

В следующие два с половиной месяца случилась самая грязная избирательная кампания в российской истории. Ее апогеем был рассказ об операции на тазобедренном суставе Примакова в программе Сергея Доренко, в прайм-тайм на телеканале ОРТ, принадлежавшем Березовскому. Телеканал НТВ, принадлежавший Гусинскому, отчаянно поддерживал Примакова, однако никакого существенного компромата на «Единство» не показал и проиграл информационную войну. По иронии судьбы именно эти главные символы тех выборов, ОРТ и НТВ, а также их лица, Доренко и Киселев, очень быстро окажутся жертвами новой власти, невзирая на то, на чьей стороне они воевали. Еще интереснее, что станет с политтехнологами, которые руководили двумя предвыборными кампаниями и бились за уничтожение друг друга. Со стороны Кремля сражался Владислав Сурков, со стороны Примакова – молодой политтехнолог из Саратова Вячеслав Володин. Это была их первая схватка. Но не последняя – в последующие 15 лет им предстоит еще немало сражений за влияние на Владимира Путина.

В итоге на выборах «Единство» Суркова получило 23 % по партийным спискам, на один процентный пункт отстав от коммунистов, а ОВР Володина – 13 %. Но самое главное – рейтинг Путина продолжал расти и достиг 30 %, тогда как популярность Примакова зафиксировалась на 20 %.

Неожиданное поражение на выборах 19 декабря немного обескуражило лагерь Примакова – Лужкова. Однако в штабе ОВР считали, что до выборов президента еще полгода и вся борьба впереди. Более того, там были уверены, что в новой Думе депутаты от ОВР смогут вступить в коалицию с коммунистами, занявшими на выборах первое место, сам Примаков станет спикером и на этой позиции сможет легко конкурировать с премьером Путиным за пост президента. В будущем предвыборном штабе Примакова даже начался дележ мест: кто возглавит его, кто окажется отстраненным от принятия решений. В любом случае все понимали, что время есть, до Нового года ничего серьезного больше не произойдет. И разъехались отдыхать после долгой и изматывающей кампании.

29 декабря Центризбирком объявил окончательные результаты. А через день стало известно, что игра окончена. 31 декабря президент Ельцин объявил, что уходит в отставку и назначает Путина своим преемником. Это означало, что президентские выборы пройдут уже в марте, а не в июне, как положено по конституции. Это означало, что у Примакова, Лужкова и других противников Кремля нет времени, на которое они рассчитывали. Они не успеют оправиться от поражения на парламентских выборах. Конечно, это было шулерством со стороны Кремля, зато обеспечивало результат.

Игра действительно закончилась в ту новогоднюю ночь, хотя никто этого не предвидел. Пока лагерь Примакова делил места в предвыборном штабе, глава администрации Волошин, сидевший в десяти метрах от тела Ленина и мечтавший покончить с этим соседством, совершил невероятное – сговорился с коммунистами. Главная цель Кремля была проста: расколоть альянс коммунистов и сторонников Примакова. «Сейчас важнее трахнуть “Отечество”, – так рассуждали в Кремле. – Они люди конъюнктурные, надо им показать, что если они останутся с Примаковым и Лужковым, то они полный ноль».

18 января, на первом заседании Думы, выяснилось, что за время каникул «Единство» и коммунисты заключили пакетное соглашение: спикером парламента становится представитель компартии, все посты председателей комитетов они поделят. Остальные партии, в том числе ОВР, не получают ничего. Для окружения Примакова это стало ударом. Они считали, что идут в Думу делать большие политические карьеры и управлять процессами, а Волошин показал им, что если они против Кремля, то останутся рядовыми депутатами, причем из меньшинства. Для убежденных карьеристов это было убийственно. Поняв, что судьба отворачивается от Примакова, треть выдвиженцев от ОВР дезертировала в другие фракции уже на первом заседании. «Это сговор!» – кричал с трибуны Примаков и в знак протеста покинул зал.

В итоге он так и не стал выдвигаться в президенты. Он смирился. Через полтора года он уйдет из Думы, оставив пост главы фракции своему протеже, перспективному депутату Вячеславу Володину. А тот быстро присягнет Путину и к концу 2001 года договорится об объединении ОВР и «Единства» в новую правящую партию «Единая Россия». А спустя десять лет станет главным идеологом Кремля.

Советская роскошь

Бизнесмены так охотно давали деньги на предвыборную кампанию Путина, что доходило до конфузов. Согласно популярной легенде, Сергей Пугачев, близкий к Семье банкир, подружившийся с Путиным, тоже взялся заниматься краудфандингом на предвыборную кампанию среди крупных бизнесменов. Но его об этом не просили, и деньги до избирательного штаба якобы не дошли. По слухам, это был личный бизнес-проект предпринимателя, умело использовавшего свою дружбу с новым премьер-министром.

Пугачев, как и многие другие влиятельные бизнесмены, знал Путина еще по Петербургу. И именно он ближе всех подружился с преемником Ельцина. Сейчас Пугачев расска-

зывает, что в тот момент Путин был довольно одиноким человеком – те, кого принято сейчас называть друзьями Путина, еще не переехали в Москву. «Якуниных, Ковальчуков, Ротенбергов еще не было в помине», – уверяет Пугачев.

Путин и Пугачев жили по соседству, вместе объезжали подмосковные владения Управления делами президента, когда выбирали резиденцию для будущего президента. Остановились на бывшей госрезиденции Михаила Горбачева – Ново-Огарево. Путина, по словам Пугачева, больше всего поразил огромный 50-метровый бассейн. Впрочем, всем руководителям государства приходилось жить в домах, некогда принадлежавших советским руководителям. Глава администрации Волошин, к примеру, жил в доме, который некогда занимал генсек Юрий Андропов.

По словам Пугачева, новая жизнь Путину понравилась. С одной стороны, он совсем не стремился к власти – и даже активно отказывался, сопротивлялся уговорам. С другой – его прельщал бытовой комфорт и президентские привилегии. В тот момент подавляющее большинство чиновников, включая директора ФСБ, жили сдержанно – о виллах, яхтах и частных самолетах, которые были у олигархов, им тогда не приходилось даже мечтать. Неожиданное вознесение на пост и. о. президента оказалось для Путина прежде всего бытовым потрясением.

Пугачев долгое время оставался близким другом Путина: они вместе выпивали и ходили в баню, их дети вместе росли. Впрочем, это не помогло Пугачеву получить политические рычаги. Ему так и приходилось действовать якобы от имени Путина, чтобы проворачивать успешные бизнес-сделки. Возможно, именно эта чрезмерная эксплуатация дружбы с Путиным сыграет спустя десять лет роковую роль в жизни банкира.

Первый друг

11 марта 2000 года в Мариинском театре давали премьеру. Все здесь было впервые и очень символично.

Впервые в этом зале собрались люди, которые станут политической элитой России ближайших десятилетий. Театральные работники взирали на них с изумлением: впервые они видели такое количество людей с мобильными телефонами.

Премьера была роскошной. Опера Сергея Прокофьева «Война и мир» в постановке вернувшегося из Голливуда российского кинорежиссера Андрона Кончаловского.

Но в тот вечер в Мариинском главным героем был не Кончаловский и не его родной брат, обладатель «Оскара» режиссер Никита Михалков, они оба сидели в партере. Ключевые персоны сидели в царской ложе: это были два премьера, глава британского правительства Тони Блэр и председатель правительства России Владимир Путин. Уже полтора месяца Путин являлся и. о. президента, и это была его полноценная мировая премьера, впервые он принимал лидера зарубежного государства, да еще с такой помпой.

Двумя месяцами ранее, на Давосском экономическом форуме, американская журналистка Труди Рубин поразила делегацию из России прямым вопросом на пресс-конференции: Who is Mr. Putin? Никто в мире не знал преемника Бориса Ельцина, не понимал, каковы его шансы, каков его политический бэкграунд, насколько он самостоятелен или, наоборот, несамостоятелен, во что верит и чего боится, хочет реформ или реванша. Этого не знала и российская публика. Ей был предложен очень простой образ – tough guy, «сильная рука», полная противоположность старому и ослабевшему Борису Ельцину. Для внешней, западной, аудитории Путин и его команда подобрали другой имидж – smart guy, молодой, энергичный юрист, компетентный и самоуверенный, но открытый и дружелюбный. Фактически его ролевой моделью стал Тони Блэр. Именно с ним Путин решил установить первые дру-

жеские отношения. А с кем еще? Клинтон и Ширак были дружны с Ельциным, слишком ассоциировались с ним, к тому же Клинтон через год должен был уйти в отставку.

Вспоминали еще и то, что 16 годами ранее Маргарет Тэтчер открыла миру Михаила Горбачева, заявив: «Я могу иметь с ним дело». Путин не хотел становиться вторым Горбачевым, но рассчитывал иметь такой же внешний пиар, какой был у президента СССР. В конце концов, Путину очень хотелось понравиться. Он стал ухаживать за Тони Блэром со всей тщательностью – ну, или вербовать его.

Британского премьера пригласили в Петербург, родной город Путина, где тот выглядел более выигрышно и куда более по-европейски, чем в Москве. Сначала Путин встретился с Блэром в Петергофе, летней императорской резиденции. Потом поводил британского премьера по Эрмитажу. И наконец, вечером они с женами отправились на премьеру в Мариинском.

Около входа в театр лидеров ожидала небольшая демонстрация с лозунгами «Путин – это война» (имелась в виду война в Чечне). По иронии в театре слушали оперу «Война и мир», рассказывавшую о ярком периоде в истории России и Британии, когда две империи были союзниками и победили общего врага. В первом действии на сцене появлялся император Александр I, внешне напомилавший Путина, с карликовым пуделем в руках – в нем публика в зале немедленно признала путинского домашнего той-пуделя Тосю².

Император Александр I – одна из самых загадочных фигур в российской истории. Победив Наполеона, он заявил, что «у нас земли хватает», и почти не стал увеличивать территорию России. Все прочие руководители вели себя иначе. А еще, по легенде (впрочем, немного сомнительной), он сам отказался от власти, инсценировал собственную смерть и уехал в Сибирь под именем старца Федора Кузьмича. В 2014 году, уже после присоединения Крыма и начала войны на Украине, Владимир Путин откроет памятник Александру I прямо у стен Кремля. Но это будет намного позже.

А в 2000 году поистине царский прием в Мариинском театре приятно поразил Тони Блэра. Об этом он напишет через десять лет в своих воспоминаниях: в аналогичной ситуации в Лондоне перед театральной премьерой ему пришлось бы улыбаться и пожимать руки. Но в Мариинском все было иначе. Зрители расступались, почтительно склонив головы. «Путин в России – как царь», – удивлялся Блэр в своей книге «Странствие»³. Парадокс налицо: Путин думал, что, принимая Блэра в Петербурге, будет выглядеть европейцем, а британскому премьеру царская роскошь, наоборот, показалась азиатчиной.

Но в 2000 году Блэр, конечно, говорил по-другому. «Путин – высокоинтеллектуальный человек с четким представлением о том, чего он хочет достичь в России. Его Россия – это сильная держава, где царит закон и порядок, это еще демократическая и либеральная страна», – рассказывал он в интервью, вернувшись домой в Лондон. Первый экзамен Путин сдал – впечатление на Блэра он произвел неизгладимое. В тот же день пресс-служба Блэра сообщила, что, вернувшись на Даунинг-стрит, премьер обзвонил всех своих коллег по «Семерке» и поделился приятными впечатлениями от общения с Путиным.

Через две недели Путин успешно выиграл выборы и назначил свое правительство и администрацию президента. Глава администрации остался прежним – Александр Волошин. Осуществив успешную передачу власти от Ельцина Путину, он стал идеологом первого срока и проводником всех реформ, с которых Путин начал свое правление.

Путин начинал свое президентство в полной уверенности, что с Западом, и в частности с Америкой, можно выстроить хорошие отношения. Он считал, что они просто не понимают

² Трегубова Е. Опера на высшем уровне: В Мариинке разыграли дипломатический спектакль // Коммерсантъ. № 042. 14.03.2000.

³ Blair T. A Journey: My Political Life (Sep 20, 2011).

российских особенностей. Надо встречаться, убеждать, объяснять: где мы находимся, какие у нас проблемы. Путин принимал каждого западного лидера, каждого министра иностранных дел и сидел с ними значительно дольше, чем велели протокол и здравый смысл.

С Блэром у Путина, кажется, все получалось. Британский премьер и прежде не отличался особенной критикой военных действий в Чечне, а объяснения Путина, похоже, его устраивали. Путин внимательно и подолгу рассказывал английскому другу, что вторая чеченская война началась с вторжения боевиков в Дагестан, что лозунг ваххабитов: «Аллах над нами, козлы под нами». «А козлы – это все мы!» – горячился Путин. Блэр не понимал, поскольку в английском слово «козел» не является ругательством, а Путин объяснял, что по-русски это очень, очень обидно.

В 2000 году Путин и Блэр виделись пять раз. В апреле, после выборов, но еще не вступив в должность, с первым зарубежным визитом Путин полетел к другу в Лондон. Английская пресса встречала его неласково. «Единственная известная собственность 48-летнего президента за пределами Москвы – это небольшой деревянный дом... с выгребным туалетом во дворе. Отель Royal Garden, из которого господин Путин так и не вышел вчера вечером, несомненно, роскошнее. В его номере есть спутниковое телевидение, круглосуточный киноканал, массажный душ, бесчисленные сорта мыла, шампуней, полотенец, мазей, телефон с голосовой почтой, факсовая связь, подключение к Интернету и огромный рабочий кабинет, соединенный с роскошной спальней “для гостя, нуждающегося в дополнительном просторе”... Будем надеяться, что он устоит перед соблазном прихватить из своего номера фирменный банный халат отеля Royal Garden», – писала *Daily Mail*. Путин читал, обижался, но терпел.

В Лондоне, кстати, он дал свою первую пресс-конференцию после избрания президентом, совместную с Блэром. Они называли друг друга «Владимир» и «Тони».

В ноябре уже британский премьер приехал в Россию, на этот раз в Москву. Путин повел его в ресторан «Пивнушка». Там они пили водку (Путин уже выяснил, что Блэр любит крепкие напитки), закусывали картошкой, селедкой и маринованными грибами и обсуждали, как выстраивать отношения с США при новой администрации. За две недели до их встречи в Америке состоялись президентские выборы, но их результат был по-прежнему неизвестен. Продолжался пересчет голосов в штате Флорида, и было неясно, станет ли имя нового президента известно к Новому году. Путин и Блэр, популярные политики, уверенно выигрывавшие свои выборы, посмеивались над этой ситуацией.

Алюминиевый крестик

В ходе американской предвыборной гонки «Гор против Буша» Россия играла особую роль. Республиканцы использовали ее как орудие в борьбе с демократами – они обвиняли Билла Клинтона и Альберта Гора в том, что те «потеряли Россию». Как раз под выборы в конгрессе был опубликован специальный доклад экспертной группы по России под названием «Путь России к коррупции». Он обвинял администрацию Клинтона в ужасающем провале на российском направлении. Авторы доклада сравнивали 1945-й и 1991-й – годы окончания Второй мировой и холодной войн. США выиграли обе войны, но если в первом случае администрация Трумэна сумела сделать все, чтобы избежать реваншистских настроений в Европе, реализовала план Маршалла, сумела поднять европейскую и, в частности, немецкую экономику, вернуть Европу к нормальной жизни и, более того, сделать своим союзником, то после 1991 года администрация Клинтона сделала прямо противоположное. Все деньги, направленные на восстановление российской экономики, были разворованы при попустительстве американского правительства, никакой десоветизации (наподобие немецкой денацификации) в России не произошло, наконец, к началу нуле-

вых уровень антиамериканизма в России оказался максимальным – удивительный контраст с тем, что было в начале девяностых. В момент распада Советского Союза США были очень популярны – через десять лет все сошло на нет. Теперь русский народ именно американцев винит в тех бедности и коррупции, которые охватили страну, – констатировали авторы доклада. Администрация Клинтона потеряла исторический шанс помочь России стать демократическим государством потому, что слишком доверилась конкретным руководителям России: Ельцину, Черномырдину и Чубайсу. И виноваты в этом, согласно докладу, три человека, которые единолично занимались Россией: вице-президент Альберт Гор, замминистра, а впоследствии министр финансов Лоуренс Саммерс и замгоссекретаря Строуб Тэлботт. Доклад, конечно, был классической предвыборной уловкой, направленной на дискредитацию Гора. И, кстати, в его завершающей части говорилось, что есть еще один шанс – новый российский президент Владимир Путин пытается провести необходимые реформы и очень важно ему помочь. И именно это станет последним шансом как для России, так и для Америки. В докладе не говорилось, но подразумевалось, что доверять администрации Гора эту важнейшую миссию нельзя, с ней справится только администрация Буша.

Уровень антиамериканизма в конце 1990-х годов действительно резко вырос. С этим, кстати, отчасти была связана популярность старого воина холодной войны Евгения Примакова. На его фоне Путин, а особенно его правая рука Волошин (с прекрасным английским) казались американцам куда более желанными партнерами. «У Путина первоклассная команда, и я верю, что он готов проводить необходимые реформы», – еще до президентских выборов в России говорил Билл Клинтон.

Александр Волошин действительно был хорошо знаком и со Строубом Тэлботтом, и с Ларри Саммерсом и отлично знал, как выстраивать отношения с командой Гора, если она победит. Про Буша было понятно намного меньше. Поэтому в августе 2000 года он решил отправить большую делегацию от «Единства» в Америку на конвент Республиканской партии, которая должна была выдвинуть Буша кандидатом в президенты. Волошин объяснял, что республиканцы – более прагматичные и конструктивные политики, менее идеологизированные и не так внимательно относящиеся к правам человека, отношения между Россией и США всегда были значительно проще в период правления президентов-республиканцев. Знакомство состоялось: и Буш, и его внешнеполитическая советница Кондолиза Райс посланцам Путина и Волошина очень понравились.

На будущую администрацию Кремль возлагал большие надежды, потому что с уходящей личной контакт не сложился. В сентябре 2000 года Путин прилетел в Нью-Йорк, на так называемый «саммит тысячелетия» – заседание Генассамблеи ООН, на которое уходящий президент США Билл Клинтон постарался собрать едва ли не всех мировых лидеров. Путин был еще новичком: с того момента, когда в Давосе был задан знаменитый вопрос «Who is Mr Putin?», едва ли прошло полгода. Поэтому саммит воспринимался как ответственные смотрины нового российского президента. Ему было очень важно произвести впечатление.

Но с самого начала все пошло не так. По жребию главе российской делегации выпало выступать 31-м, тогда как первым выступал хозяин саммита, Билл Клинтон. Российская делегация сбилась с ног и приложила все усилия – и в итоге выторговала для Путина возможность поменяться местами с президентом Кипра Глафкосом Клиридисом, он должен был идти пятым.

Речь Клинтона была триумфальной. Он говорил, что человеческая жизнь в современном мире важнее, чем границы, суверенитеты и независимость государств. Через несколько месяцев Клинтон должен был уйти в отставку, и это был его бенефис. Все остальные гости отдавали ему дань уважения.

Закончив речь, Клинтон под всеобщие аплодисменты сел на место. Путин все это время сидел на своем месте и – на виду у журналистов – повторял речь. Но когда пришло его

время выступать, Билл Клинтон рассеянно потянулся, встал и пошел к выходу. Через минуту к выходу устремилась добрая половина высоких гостей. Заканчивал свою пятиминутную речь Владимир Путин при полупустом зале.

На следующий день он, правда, отомстил обидчику. На приеме в музее Метрополитен Билл Клинтон стоял у входа, встречая гостей и фотографируясь с ними на память. Когда американский президент заговорил с Владимиром Путиным и предложил сфотографироваться, тот вдруг огрызнулся: «А вы еще действующий политик? Зачем же вы себе при жизни музей устраиваете?»

К знакомству со следующим президентом, Джорджем Бушем, Путин подошел так же ответственно, как и к встрече с Блэром, – он решил мимикрировать под него.

Перед первой встречей в столице Словении Любляне Путин изучил составленное для него досье Буша с подробным описанием его характера и биографии. В частности, там говорилось, что Буш очень религиозен, в молодости увлекался алкоголем, в 40 лет бросил пить и обрел истовую веру в Бога.

В самом начале неформального общения в Любляне Путин рассказал Бушу историю из своей жизни. Когда-то у него была дача под Санкт-Петербургом. И несколько лет назад она сгорела дотла, к счастью, никто из родных не пострадал. Каким-то чудом при пожаре уцелел лишь подаренный матерью алюминиевый крестик, который Путин снял с себя, зайдя в сауну. Тот случай убедил его в том, что чудеса случаются, резюмировал Путин. Религиозный Буш был поражен. «Я взглянул в его глаза и увидел там душу», – скажет он после той памятной первой встречи.

Буш, видимо, тоже считал, что вербует Путина. Это был комплимент в расчете на будущие хорошие отношения, рассказывает тогдашний спичрайтер Буша Дэвид Фрам. По его словам, Буш поначалу считал, что Россия все-таки сможет стать нормальной европейской страной, как Германия, например. Не супердержавой, конечно, как США или Китай, но нормальной успешной страной.

Летом 2000 года Путин принял решение закрыть военные базы, которые достались России в наследство от СССР: во Вьетнаме и на Кубе. Военные и чекисты были в шоке, но он терпеливо объяснял, что на самом деле базами уже много лет никто не пользуется. «На протяжении десяти лет наш военно-морской флот не выходил в Индийский океан и не пользовался услугами военно-морской базы», – объяснял официальную позицию Кремля министр иностранных дел Игорь Иванов. И Центр радиоэлектронной разведки в кубинском Лурдесе, и база ВМФ в Камрани приносили огромные убытки – на аренду и обслуживание приходилось тратить огромные деньги, – а толку от них никакого не было. В конце концов, средствами космической разведки можно достичь куда большего, чем при помощи старых советских баз. Патриоты в рядах вооруженных сил по привычке проклинали политическое руководство за предательство национальных интересов. Но решению подчинились.

В 2013 году Путин пересмотрит свое решение. С Вьетнамом начнутся переговоры, а в 2014 году будет подписано соглашение об использовании порта Камрань кораблями ВМФ России.

Тучные нулевые начинаются

«Первоклассная команда», о которой говорил Билл Клинтон, действительно начала без отлагательства осуществлять системные реформы. Еще до инаугурации Путин поручил своим старым знакомым из Петербурга либеральным экономистам, работавшим в команде первого мэра-демократа Анатолия Собчака, написать план реформ для нового правительства. Руководили этой креативной группой Герман Греф и Алексей Кудрин. После избрания

Путина они получили портфели министров: экономического развития и финансов соответственно.

Еще только начиная работать над планами на будущее, они понимали, что им везет – еще в 1999 году, едва только Путина назначили премьером, в мире начали расти цены на нефть. Благодаря этому уже в 2000 году Кудрин сумел впервые в постперестроечной России добиться профицита бюджета. Теперь нужно было суметь воспользоваться этим неожиданным счастьем, свалившимся с небес. И «питерские экономисты» постарались быть максимально амбициозными.

Правительство установило плоскую шкалу подоходного налога – 13 %. Общее число налогов было сокращено в три раза, нагрузка перераспределена на нефтяной сектор, а собираемость налогов увеличилась. Был разработан Земельный кодекс – впервые после революции 1917 года в России разрешили куплю-продажу земли сельскохозяйственного назначения.

Эти революционные реформы одобрила Дума – если при Ельцине парламент торпедировал любой закон, который исходил от правительства, то при Путине все стало проходить на ура благодаря новой думской коалиции: бывшие сторонники Примакова объединились с «Единым», новая пропутинская партия «Единая Россия» получила большинство в Думе и голосовала за все законопроекты.

Нефть продолжила расти такими темпами, что позволила правительству досрочно выплатить внешние долги. Население стало богатеть – налицо было настоящее путинское экономическое чудо. Вслед за лихими девяностыми в России начались тучные нулевые.

Одновременно с экономическими реформами Грефа и Кудрина Путин и Волошин провели несколько радикальных политических преобразований. Так, Волошин придумал новый принцип формирования Совета Федерации – верхней палаты парламента. Раньше в нем заседали лично губернаторы регионов, по новым правилам это должны быть профессиональные сенаторы – представители регионов. Где-то на этом этапе политологи называют новую политику «управляемой демократией», очевидно, имея в виду, что при Ельцине была «неуправляемая». Первый шаг в повышении управляемости – лучший контроль над регионами. Цель была только одна – помешать региональным лидерам и лоббистам из бизнеса сорвать реформы.

Эта реформа очень не нравилась самим губернаторам, которых изгоняли из парламента, а значит, лишили права голоса на федеральном уровне. Особенно это не нравилось тем губернаторам, которые в ходе предвыборной кампании присягнули Путину и поддерживали «Единство». Всем ясно, за что репрессировали губернаторов-примаковцев – они сделали неверную ставку и должны поплатиться, но за что наказывать своих? Донести общее возмущение до президента губернаторы попросили Бориса Березовского – ведь это он уговаривал их поддержать Путина. Березовский отправился к Путину и попробовал сделать ему внушение. Президент его принял, но не прислушался.

Но в парламенте реформа прошла на ура – ее с готовностью поддержали бывшие примаковские. Чтобы доказать новой власти свою лояльность, бывшие члены ОВР были готовы проголосовать за что угодно. Тогда Волошин и его зам Сурков решили завершить процесс создания новых институтов: объединить «Единство» и ОВР в новую пропутинскую партию «Единая Россия». А заодно еще раз переделить все посты в Думе, расторгнув за ненадобностью прежнее пакетное соглашение с коммунистами. После этого поражения коммунисты уже не оправались. Они перестали быть какой-либо политической силой и были неопасны. Больше об идее вынести Ленина из мавзолея Волошин не вспоминал и соседством с ним уже не тяготился.

В конце года в Кремле появляется идея навести символический порядок и в госсимволике – с конца 1990 года в России никто не пел гимн, так как у него не было слов. В 1990 году

Борис Ельцин выбрал новый гимн России: отменил старый советский гимн, введенный еще при Сталине, сменив его мелодией Михаила Глинки, написанной в XIX веке. Но новые слова для гимна никто не писал. Волошину, как и Путину, музыка не нравилась – ее невозможно запомнить, говорили они. Составили длинный список новых мелодий, в основном старых маршей, чтобы сделать их гимном новой России. Но в последний момент Путин вдруг передумал и решил вернуть старый, сталинский гимн, просто поменяв слова. Причем написать новый вариант он решил поручить автору предыдущих версий, старому советскому поэту Сергею Михалкову, отцу кинорежиссеров Никиты Михалкова и Андрона Кончаловского.

Ненавидящий коммунистов Волошин был, конечно, против. Семья понимала, каким это будет ударом для пенсионера Бориса Ельцина. Но Путин убеждал советников, что это полезно для реформ. Поскольку все силы нужно сконцентрировать на экономике, на проведении непопулярных и болезненных реформ, не стоит раздражать население по пустякам. Пусть старики порадуются – тем самым мы сэкономим силы для либеральных реформ и дерегулирования, убеждал Путин. И Волошин сдался – ради реформ пусть будет советский гимн.

Глава 2

В которой политэмигранта Бориса Березовского не позвали на королевскую свадьбу

Я никогда не встречался с Борисом Березовским, хотя почти десять лет проработал в принадлежавшей ему газете – главной деловой газете России нулевых «Коммерсантъ».

Когда в 2007 году я писал книгу про «Газпром», то должен был, очевидно, встретиться с Березовским, чтобы взять у него интервью. Но я сознательно не сделал этого. Мне казалось, что Березовский может скомпрометировать книгу – настолько сомнительной казалась репутация его самого и всего с ним связанного. Кроме того, я был убежден, что Березовский все время врет, – какой толк брать интервью, если заранее уверен в его недостоверности?

За год до смерти он дал большое интервью моим коллегам, журналистам «Дождя». После этого он максимально красноречиво описал свою версию событий конца 1990-х – начала 2000-х годов в свидетельских показаниях во время суда против Романа Абрамовича. Лондонский суд, впрочем, счел, что Березовский в своих показаниях постоянно врал, поэтому он присудил ему поражение.

У Бориса Березовского было одно очень важное свойство, которое резко отличает его от всех остальных (без исключения) героев книги. Он многократно признавался в том, что ошибался. В конце жизни (а не в период своего авантюрного триумфа, конечно же) он часто раскаивался в содеянном. Некоторые говорят, что он делал это абсолютно искренне. А другие уверены, что и здесь была неубедительная поза.

Упаковать Гуся

«Я вчера почувствовал себя Березовским, – любит шутить Роман Абрамович, – назначил несколько встреч разным людям на одно и то же время». Люди, хорошо знавшие Березовского, часто вспоминают о нем как о рассеянном гении-математике, который постоянно генерировал идеи, но далеко не всегда успевал уследить за тем, как его задумки реализуются.

Рассказывают, как Березовский случайно позвал в гости одновременно несколько несовместимых друг с другом бизнесменов: Владимира Гусинского, Михаила Ходорковского и Владимира Потанина. Якобы рассадил их по разным комнатам, чтобы они не встретились, и тут к нему приехал приятель, с которым они собирались пойти в баню. Березовский отправился в баню (которая располагалась там же, в его доме) и забыл о гостях. Спустя примерно час гости начали гулять по дому, обнаружили друг друга, собрались в гостиной за одним столом, и вдруг к ним заявился Березовский в банном халате. И очень удивился.

То, что происходило с Березовским в 2000 году, шокировало его еще больше, хотя тоже было результатом его усилий и действий.

Березовский познакомился с Путиным в самом начале 1990-х годов, когда сводил бывшего заместителя Собчака с людьми из ближнего круга Бориса Ельцина. (Впрочем, непосредственно с дочерью Ельцина Татьяной Путина познакомил другой бизнесмен, Сергей Пугачев.) Но именно Березовский летом 1999 года буквально носился с идеей, что Путин – лучший вариант преемника. Эта идея, однако, уже в конце 1999 года зажила своей жизнью, отдельной от жизни Березовского. И чем дальше, тем больше его раздражала.

Березовскому даже в голову не приходило, что он обречен. Что это вовсе не Путин вышел из-под контроля, а на самом деле его, Березовского, списала со счетов Семья. И случилось это не в 2000 году, а еще осенью 1999-го. Рассказывают, что в Семье возник консен-

сус по этому поводу: «Борю пора сливать». Это означало, что своей политической суетой и, что важнее, постоянными интервью и комментариями по любым вопросам Березовский утомил Таню, Валю, Волошина и Абрамовича. Они решили, что вреда от него намного больше, чем пользы. И как только угроза потери власти и ареста для них самих стала не такой серьезной, они начали постепенно задвигать бывшего друга.

Березовского страшно возмущало отсутствие вознаграждения для причастных к победе Путина и наказания для вчерашних врагов. Ведь именно так было заведено в 1996 году, когда Березовский и Гусинский поднимали крупный бизнес на поддержку Ельцина и после победы были вознаграждены. Телеканал Гусинского НТВ получил частоту и стал федеральным, Березовский был назначен заместителем секретаря Совбеза. Но в ходе кампании 1999–2000 годов Березовский и Гусинский сражались по разные стороны баррикад, а вместе с Гусинским в лагере проигравших оказались еще Примаков, Лужков и несколько десятков губернаторов. Но победители не получили никаких особенных наград, а проигравшие – какого-то возмездия. Лужков остался мэром столицы. Примаков получил почетную sinecure – должность главы Торгово-промышленной палаты. Их бывшие сторонники растворились в рядах сторонников Путина.

И лишь Владимира Гусинского, медиамагната, агитировавшего против Путина и проводившего против него информационную войну, Кремль решил покарать. Во-первых, Гусинский еще зимой 2000 года якобы вызывающе заявил Путину, что тот никогда не сможет стать президентом без поддержки его телеканала НТВ. Во-вторых, Путина оскорбила сатирическая программа «Куклы», где его сравнили с крошкой Цахесом.

«Ничего личного, просто бизнес», – говорил в тот период Волошин. Бизнес Гусинского бы насквозь закредитован: более миллиарда долларов долгов перед госкомпаниями. Но всякий раз, когда подходил срок выплаты кредитов, Гусинский организовывал превентивную информационную атаку на кредитора, и тот немедленно продлевал кредит на льготных условиях. Тут даже стараться особо не надо было – можно просто все забрать за долги.

Но ситуация развивалась иначе. Уже через месяц после инаугурации Путина Генеральная прокуратура завела против Гусинского уголовное дело, его арестовали и поместили в печально известный московский следственный изолятор, Бутырку. «Это было необязательно, можно было обойтись и без этого», – вспоминают сотрудники Кремля. Правила игры определяли уже новые силовики из окружения президента. Зато Березовский был доволен – в день ареста Гусинского он не скрывал ликования. «Надо упаковать Гуся! Чтоб знал! Чтоб знал!» – повторял он. Весь остальной крупный бизнес был в шоке: олигархи написали коллективное письмо с требованием отпустить Гусинского. Единственным человеком, который не подписал его, был Березовский.

В момент ареста Гусинского Путин был с официальным визитом в Испании и на вопрос журналистов, что происходит с Гусинским, ответил, что, мол, не знает, так как «не может дозвониться до генерального прокурора». Гусинский просидел за решеткой всего три дня. К нему в камеру пришел министр печати Михаил Лесин. Они подписали соглашение, по которому олигарх должен был выйти на свободу и за это отдать телеканал НТВ. Гусинского освободили, он немедленно уехал из России и опубликовал подписанное в камере соглашение. По международному имиджу Путина был нанесен сильнейший удар – тот только вернулся из рекламного европейского турне, как Владимир Гусинский отправился в антирекламное турне, рассказывать о том, как ужасен новый российский президент. Путин был раздосадован не грубостью проделанной операции – никто из ее организаторов не был наказан, – а скандалом. Поэтому он распорядился приостановить отъем телеканала у Гусинского, пока не утихнут страсти.

Арест Гусинского словно выпустил джинна из бутылки. Почти у всех представителей крупного бизнеса – олигархов, как было принято говорить при Ельцине, – начались про-

верки, обыски, выемки. Очевидно, это не было спланированной операцией, просто так силовики из окружения Путина поняли сигнал, исходящий от руководителя: надо наводить порядок.

Прокуратура и в поздние ельцинские времена нередко возбуждала громкие уголовные дела – на конец 1990-х годов пришелся апогей олигархических войн. Но теперь было ощущение, что эта активизация следственных органов – примета нового времени. Ее сформулировала в своих заголовках газета «Коммерсантъ» (входившая в медиахолдинг Березовского): раз за разом она публиковала первополосные заголовки, начинавшиеся со слов «Пришли за...» – явная аллюзия на времена сталинских репрессий.

Впрочем, если рассматривать эти случаи в отдельности, становится ясно, что никаких сталинских репрессий 2000 года не было – каждый из случаев «Пришли за...» разваливался на стадии следствия, потому что каждый раз речь шла о банальном рэжете. Самым первым заголовком «Коммерсанта» из печально известной серии был «Пришли за Алекперовым» – об обысках в крупнейшей в стране нефтяной компании «Лукойл». Тот самый «Лукойл», который финансировал на выборах группу Примакова – Лужкова.

Но на самом деле никакой политики в том деле не было: все депутаты от «Лукойла» сбежали от Примакова первыми; они сразу отказались входить во фракцию ОВР, сформировали группу «Регионы России» и впоследствии голосовали только солидарно с «Единством», вплоть до вхождения в «Единую Россию».

Что до прокурорских проверок в «Лукойле», их, по распространенной легенде, инициировал один известный банкир. Прикрываясь своей давней дружбой с Путиным, он еще до думских выборов 1999 года пришел к руководству «Лукойла» и сообщил, что якобы собирает деньги по поручению Кремля, и получил около \$50 млн. А чтобы «Лукойл» не просил деньги обратно после выборов, предприимчивый банкир «заказал» компанию Генпрокуратуре. Претензии следственных органов к нефтяной компании действительно вскоре закончились, а вместе с ними и желание Алекперова вернуть свои \$50 млн.

Подводная лодка

Неконтролируемость новой власти так раздражала Березовского, что он решился на крайние меры. Он хотел заставить Путина прислушиваться, но, исчерпав все способы убедить его словом, стал действовать в том стиле, в каком привык, т. е. пустился в авантюры.

Через неделю после того, как газета «Коммерсантъ» начала ковать новый имидж путинской России, публикуя передовицы с заголовками «Пришли за...», Березовский объявил, что сдает депутатский мандат и покидает парламент. Зачем ему это надо, что он затеял, никто не понимал. Публично Березовский заявлял, что намеревается создать реальную оппозиционную силу и собирается бросить на это все силы. И действительно, довольно скоро у него начался серьезный конфликт с властью.

Первым серьезным испытанием для Путина становится катастрофа с атомной подводной лодкой «Курск». Она утонула 12 августа, на 97-й день президентства Владимира Путина. Поначалу он не придавал аварии значения и уехал в отпуск в Сочи. Военные докладывали, что все под контролем, волноваться не надо, вот-вот все наладится. Спасательные работы начались на следующий день, и тогда стало ясно, что 118 членов экипажа находятся в ловушке на глубине 108 метров. Путин прервал отпуск и уехал из Сочи только спустя пять дней. За это он был подвергнут разгромной критике в прессе.

22 августа, когда стало понятно, что все моряки погибли, Путин отправился на встречу с их родственниками в североморский поселок подводников Видяево. Встреча была очень тяжелой: родственники кричали и рыдали, обвиняли Путина и военных в бездействии, в том, что командование затягивало время, не хотело привлечь помощь из-за рубежа. В ответ

Путин трижды обрушился на телевидение, сказав, что оно «врет», и на тех людей, которым телевидение принадлежит. В начале разговора прозвучал такой выпад: «Там есть на телевидении люди, которые сегодня орут больше всех и которые в течение десяти лет разрушали ту самую армию и флот, где сегодня гибнут люди. Вот сегодня они в первых рядах защитников этой армии. Тоже с целью дискредитации и окончательного развала армии и флота! За несколько лет они денег наворовали и теперь покупают всех и вся! Законы такие сделали!» В середине встречи Путин снова вернулся к той же теме: «Денег наворовали, купили средства массовой информации и манипулируют общественным мнением». И окончательно резюмировал при прощании: «Схема действий их и логика очень простая. Очень простая. Воздействовать на массовую аудиторию, таким образом показать военному руководству, политическому руководству страны, что мы в них нуждаемся, что мы у них на крючке, что мы должны их бояться, слушаться и согласиться с тем, что они и дальше будут обворовывать страну, армию и флот. Вот на самом деле истинная цель их действий. Но мы не можем сказать им: “Прекратите!” – так бы правильно сказать, но... надо более талантливо, правдиво, точно и в срок самим осуществлять информационную политику. Но это требует сил, средств и хороших специалистов»⁴.

На встрече не разрешали пользоваться диктофонами, однако ее стенограмму через неделю опубликовал журнал «Коммерсантъ-Власть», входящий в холдинг Бориса Березовского. А через пару дней в прайм-тайм на телеканале ОРТ (тоже контролируемом Березовским) вышла программа Сергея Доренко, того самого, который год назад рассказывал про операцию Примакова, обрушил его рейтинг и таким образом помог Путину стать президентом. Доренко анализировал высказывания Путина о «Курске» и обвинял его во лжи. Среди прочего он дал в эфир и куски той аудиозаписи встречи с родственниками, стенограмму которой опубликовала «Власть». Это был последний эфир Доренко – программу немедленно закрыли. В редакции программы «Время» – теперь уже главной прокремлевской программы Первого канала – до сих пор передают из уст в уста легенду, будто бы после того эфира в аппаратной раздался телефонный звонок и это якобы был сам Путин. Он посчитал, что подобная риторика ОРТ – это предательство. И его он Березовскому не простил.

Для того чтобы отобрать ОРТ у Березовского, не потребовалось много усилий. Как позже заявлял Волошин в Лондонском суде во время процесса Березовского против Абрамовича, он просто позвонил гендиректору телеканала Константину Эрнсту и попросил его больше не обращать внимание на Березовского. Примерно так: «Костя, ты забываешь об указаниях Березовского. Его больше слушать не надо – а иначе мы будем принимать решения».

Это было вполне законно, поскольку у Березовского было только 49 %, а у государства – 51 %. Основной акционер решил восстановить себя в правах, объявил Волошин, и начинает самостоятельно управлять телеканалом. Он сказал Березовскому: «Концерт закончен», – именно эту фразу из телефонного разговора экс-глава администрации вспоминал в Лондонском суде. Это означало, что Березовский больше не может звонить на канал давать там какие-либо указания – редакции запрещено его слушаться. Из всех сотрудников ОРТ взбунтовался только Доренко, и его немедленно уволили.

В конце августа Волошин передал Путину, что Березовский требует личной встречи. Путин согласился, но это была совсем не такая встреча, как раньше. Путин был даже не холоден. Он равнодушно и неумолимо сказал Березовскому, что тот больше не будет контролировать ОРТ и, если хочет, может продать свою долю, а если не хочет, может оставить. Но все равно ничего сделать с ней ему не дадут.

⁴ Встреча с родными. Стенограмма встречи президента России В. Путина с родственниками экипажа подводной лодки Курск. 22 августа // Коммерсантъ-Власть. № 34. 12.09.2000.

Подобный прием Березовского шокировал – он всякий раз рассчитывал, что Путин сдастся, чего-то испугается и почему-то уступит. В начале сентября 2000 года он написал ему открытое письмо, которое опубликовал в своем же «Коммерсанте»: «Прошу Вас, господин Президент, остановиться, пока не поздно! Не выпускайте из бутылки джинна беспредельной власти, который опустошал нашу страну семьдесят с лишним лет. Вы с ним не справитесь. Он погубит и страну, и Вас». В этом письме он обещал передать свой пакет акций в управление журналистам и творческой интеллигенции, однако этот план не реализовал.

В октябре он продал свой пакет телеканала ОРТ давнему другу Роману Абрамовичу. 12 лет спустя, когда Березовский подаст в суд на Абрамовича за то, что тот якобы недоплатил ему за его доли в ОРТ и в других компаниях, например в «Сибнефти», станут известны подробности той сделки, более того, суд опубликует стенограмму прослушки разговора между Березовским, Абрамовичем и Бадри Патаркацишвили во французском Ле-Бурже. Три олигарха говорили, что продажа ОРТ санкционирована Путиным и для облегчения процесса переводом денег Абрамовича на счет Березовского будет заниматься лично глава российского Центробанка Виктор Геращенко. Еще на суде Абрамович расскажет, что купить ОРТ у Березовского ему поручили Путин и Волошин. И будет уверять, что никаких долей в компаниях Абрамовича у Березовского не было, а регулярные платежи, которые он ему перечислял, были просто оплатой услуг «политической крыши».

Именно с подлочки «Курск» началась борьба Путина с теми, кто «купили средства массовой информации и манипулируют общественным мнением», т. е., по сути, с неподконтрольными СМИ. Это не было заранее продуманной стратегией, это было лишь спонтанной реакцией на внешние раздражители. Однако с каждым следующим шагом хотелось сделать еще и еще – потому что не слышать критику всегда приятнее, чем слышать ее.

Это необходимые издержки, уверял коллег Волошин, главное, что реформы продолжаются.

Новый Андропов

Еще одной причиной беспокойства Бориса Березовского, которую мало кто разделял, было то, что Владимир Путин вышел из спецслужб. Березовский не доверял КГБ. Поначалу мысль о гэбистском прошлом Путина не беспокоила его. Однако чем больше Березовский утрачивал влияние, тем больше он был склонен объяснять «чекистским прошлым» все, что ему не нравилось в поведении Путина.

Путин между тем активно заигрывал с сотрудниками ФСБ, на поддержку которых рассчитывал. В декабре 1999 года, за полторы недели до того, как Ельцин назначил его и. о. президента, Путин приехал на Лубянку на празднование Дня чекиста. И, выступая на приеме, пошутил, что «группа сотрудников ФСБ, направленная вами в командировку для работы под прикрытием в правительстве, на первом этапе со своими задачами справляется». Аудитория взорвалась аплодисментами. Все, кто позже видел видеозапись праздника, немного поежились.

В 1999 году Путин санкционировал широкое празднование 85-летия со дня рождения Юрия Андропова, генсека ЦК КПСС, который больше 20 лет возглавлял КГБ и почитается в спецслужбах как мудрейший руководитель СССР. В декабре на здании ФСБ на Лубянке была восстановлена мемориальная доска в честь Андропова.

Позже в многочисленных публикациях по случаю 90-летия покойного генсека стала излагаться версия, что именно Андропов мог и должен был спасти СССР от распада. Он собирался осуществить те самые разумные реформы, которые повели бы Советский Союз по китайскому пути и не допустили бы перестройки и распада страны. Ранняя смерть обрушила все надежды. Андропов умер в 1984 году, успев поруководить страной всего пол-

тора года. В Путине патриотично настроенные ветераны органов видели неожиданный второй шанс, реинкарнацию Андропова, которая может возродить из пепла бывшее советское величие.

Путин явно не чувствовал себя продолжателем дела Андропова, как не являлся и фанатом легендарного председателя КГБ, в первые месяцы президентства его занимало совсем другое. Иначе относился к юбилею Николай Патрушев, новый директор ФСБ, бывший прежде первым заместителем Путина. Он воспринимал Андропова как личный образец: молодость Андропова прошла в Карелии, и Патрушев работал там в начале девяностых, дослужившись до поста министра безопасности Карелии.

В 2004 году Патрушев написал статью в правительственной «Российской газете» к юбилею покойного генсека. «Образ Андропова воспринимался и ныне воспринимается не только среди ветеранов, но и среди молодых сотрудников ФСБ, в массе своей пришедших в систему уже в постсоветскую эпоху, – писал Патрушев, – как образец подлинного государственного деятеля, представителя стратегической элиты страны, стремившегося к постижению и претворению в жизнь общенациональных интересов... Время поистине не имеет силы над теми, кто искренне и честно служил и служит Отечеству»⁵. Для 2004 года это было диковинным – гордиться советским прошлым, тем более советскими репрессивными органами. Десять лет спустя это станет обычной риторикой и Путина, и Патрушева, который после революции 2014 года на Украине станет одним из главных идеологов нового российского изоляционизма.

Расплата по долгам

Либеральная экономическая команда, которую Путин собрал вокруг себя, ученики Анатолия Собчака, этакого русского Вацлава Гавела, совершенно не переживала из-за ареста Гусинского, из-за того, что пресса писала о начале репрессий, и из-за передела на рынке СМИ. Молодое правительство понимало, что на прорывные, а значит, болезненные реформы у них, наверное, не так много времени, поскольку перед очередной предвыборной кампанией уже особо не пореформируешь. Они старались достичь максимума, пока конъюнктура позволяет, пока цены на нефть растут и популярность президента дает возможность осуществлять революционные перемены. Олигархи-интриганы, потерявшие влияние после отставки Ельцина, были молодым либералам противны, поэтому они втайне даже радовались тому, что бывшим воротилам перекрыли доступ в Кремль, – без них спокойнее. На вопли в прессе правительство тоже реагировало стоически – ну, ничего, это неизбежная плата за болезненные реформы.

Чего либеральное путинское правительство не ожидало, так это того, что ему начнет мешать Запад, который еще вчера, казалось, рукоплескал «блистательной команде» нового русского президента. Дело в том, что Российское государство было по уши в долгах: с одной стороны, Парижский клуб (т. е. неофициальная организация стран-кредиторов, которые щедро давали деньги Советскому Союзу, а потом и России в 1990-е годы), с другой стороны – Лондонский клуб, объединяющий коммерческие банки и частные корпорации, которые также активно давали российскому правительству займы. С каждым годом платежи России должны были возрастать и достичь пика в 2003 году, экономисты думали об этом годе с ужасом, говорили о «проблеме-2003» и предрекали, что в этом-то году российская экономика и задохнется под бременем долга.

Премьер-министром своего правительства Путин назначил Михаила Касьянова, который еще до прихода Путина в правительство в 1999 году работал министром финансов. Глав-

⁵ Патрушев Н. Тайна Андропова // Российская газета. № 3501. 15.06.2004.

ной специализацией Касьянова было именно проведение переговоров с международными кредитными организациями – он умел уговаривать иностранцев реструктурировать российские долги как никто другой. В момент формирования правительства Касьянов хотя и был первым заместителем Путина-премьера, но не являлся очевидным фаворитом. Совсем не он разрабатывал план экономических реформ, этим занимался Центр стратегических разработок, возглавляемый Германом Грефом. Кроме того, Кудрина и Грефа Путин знал много лет, еще со времен работы в Петербурге, – было бы логично, если бы правительство возглавил кто-то из них. Однако Путин выбрал Касьянова, с одной стороны, потому, что он был ближе к Семье, с другой – потому, что именно проблема урегулирования внешнего долга была ключевой для нового премьер-министра. Кудрину же достался пост министра финансов, а для Грефа придумали пост министра экономического развития.

Как ни странно, договориться с частными банками оказалось намного проще: Михаил Касьянов условился о списании более чем трети долга Лондонскому клубу. А Парижский клуб отказывался и требовал выплат в полном объеме, и это при том, что основной вес в Парижском клубе имели новые друзья Путина: Джордж Буш и Тони Блэр. Бизнес есть бизнес, ничего личного.

К Новому году ситуация стала критической настолько, что Путин не отпустил никого из экономического блока на новогодние каникулы. 3 января 2002 года все собрались в Кремле, чтобы решить, как выпутываться из долгов: Путин, премьер Касьянов, глава администрации Волошин, министры Кудрин и Греф, а также экономический советник Путина, российский «шерпа» в G8 Андрей Илларионов, новый *enfant terrible* Кремля, человек, известный своими крайне радикальными либертарианскими взглядами, а также чудовищным характером.

Совещание вылилось в скандал между Касьяновым и Илларионовым. Премьер говорил, что надо дожимать Парижский клуб, выплачивать долги сполна нельзя – это обескровит экономику. Илларионов кричал, что надо выплатить все, ведь если Россию приняли в «Восьмерку», то она должна оправдывать этот высокий статус и не может унижаться, прося об отсрочке и реструктуризации долга. Касьянова эти аргументы раздражали, он отвечал, что ничего унижительного в переговорах о реструктуризации нет. Волошину явно больше нравилась радикальная позиция Илларионова – «отмороженный» глава администрации был за то, чтобы отдать деньги с гордо поднятой головой, Кудрин возражал, что этих денег просто нет. Путин решил подождать: кредиторам разослали письмо о том, что Россия готова выплачивать проценты по советским долгам, а по основной сумме рассчитывает на отсрочку.

Однако Парижский клуб с этим не согласился. На послание из Москвы он ответил, что по-прежнему настаивает на том, чтобы Россия платила целиком, поскольку экономическая ситуация благоприятная и цены на нефть растут. А в середине января Минфин Германии выпустил пресс-релиз, в котором говорилось, что, если Россия не начнет платить по долгам, Берлин будет против полноправного членства России в G8.

Германский канцлер Герхард Шрёдер не входил на тот момент в число ближайших зарубежных друзей Путина, и было ясно, что это заявление – согласованная позиция «Семерки». Для Кремля это был удар. Присоединение России к G7, случившееся в 1997 году, было, пожалуй, единственным позитивным наследством, которое Путин получил от Бориса Ельцина, – все остальное только проблемы. И вот теперь Путин и его правительство оказались в шаге от того, чтобы лишиться шанса стать полноценным членом престижного клуба.

Путин так разозлился, что немедленно прекратил дискуссию между Касьяновым и Илларионовым. Победил тезис «шерпы»: мы сильные, а сильные должны платить. Министры финансов Кудрина поставили перед фактом, что он должен найти деньги где хочет. Кудрин пообещал найти. Касьянов был в бешенстве – все его многолетние усилия пошли прахом, а Путин больше не хотел его слушать. В довершение всего Андрей Илларионов,

ни с кем не посоветовавшись, провел пресс-конференцию, на которой объявил, что Россия будет платить, причем опережающими темпами. Он знал, что президент окончательно утвердил его правоту, и ему не терпелось публично унижить премьер-министра Касьянова. До того момента Касьянов считался очень влиятельной и эффективной фигурой, а тут такой удар и такой конфуз. Обиделся на Илларионова и Кудрин – поскольку никаких идей относительно того, откуда брать деньги, у него еще не было, он оказывался в глупом положении. В итоге в течение нескольких недель либеральный лагерь в российском правительстве фактически переругался в пух и прах, а заодно и затаил страшную обиду на Запад, который подставил его в такой сложный момент.

Чуть позже окажется, что все эти волнения были абсолютно напрасными. Цена на нефть не упала, а весь год держалась на уровне около \$27 за баррель (все предыдущее десятилетие она была в среднем в полтора раза дешевле). Неожиданно заработанных денег хватило не только чтобы расплатиться с Парижским клубом, но и чтобы погасить долги перед Международным валютным фондом. Бюджет в 2001 году был исполнен с профицитом, а Россия перестала согласовывать свою экономическую политику с МВФ. Однако вражда, вспыхнувшая между экономистами, продолжилась. По иронии судьбы враги Касьянов и Илларионов, уйдя в отставку (Касьянов в феврале 2004 года, а Илларионов в декабре 2005 года), окажутся в непримиримой оппозиции Владимиру Путину. Ни Кудрин, ни Греф и не подумают заступаться за них и попробовать сохранить их во власти.

Антитеррористический интернационал

В отличие от утонувшей подлодки «Курск» военная операция в Чечне, или вторая чеченская, не была проблемой для Путина. Напротив, она была его успехом. Именно благодаря этой войне он набрал свой президентский рейтинг. Единственное, что доставляло беспокойство, – это многочисленные вопросы западных коллег. Операция в Чечне выглядела в глазах Запада как война против чеченского народа: систематические нарушения прав человека, преступления против мирного населения, пытки. В этом же Россию обвиняли и во время первой чеченской войны 1994–1996 годов. Однако между первой и второй кампаниями была существенная разница.

На этот раз Путин сделал ставку на локализацию войны. Во время первой чеченской стороны конфликта делились на «мы» и «они», и для всех жителей республики это означало «чеченцы» и «русские». Но в 2000 году Путин сделал ставку на Ахмата Кадырова, муфтия Чечни, бывшего полевого командира, который согласился стать пророссийским главой республики и собрать вокруг себя сторонников. Так водораздел «мы» и «они» переместился в Чечню – теперь он проходил между «сторонниками Кадырова» и «сторонниками подполья».

Отныне Путин мог говорить, что всему виной террористы, что в Чечне воюют агенты «Аль-Каиды», в том числе иорданец Хаттаб, против которых борются местные жители. И, конечно, вспоминал, что война началась с того, как ваххабиты в августе 1999 года вторглись в Дагестан. Однако после того, как Борис Березовский и Владимир Гусинский стали политэмигрантами, по версии Путина был нанесен ощутимый удар. Владимир Гусинский в многочисленных интервью рассказывал о нарушениях прав человека в Чечне, а Борис Березовский – о том, что вторая чеченская была организована окружением Владимира Путина и являлась частью его предвыборной кампании.

Когда Путин рассказывал западным коллегам про войну с терроризмом, они внимательно слушали и делали вид, что верят. Кивали и говорили, что постараются поспособствовать. Однако на деле все получалось иначе. Сначала разведка доставила в Кремль съемку того, как сотрудники американского посольства в Азербайджане передают фальшивые доку-

менты участникам чеченских бандформирований. Доказательства были без лишнего шума показаны посольству США в Москве. Американцы извинялись, уверяли, что произошла ошибка, что это самоуправство какого-то чиновника и виновный в происшедшем дипломат будет немедленно отозван.

Однако со временем становилось все очевиднее, что США не торопятся помогать России в ее борьбе с терроризмом. Например, не закрывают те исламские фонды, которые Кремль обвинял в финансировании чеченского подполья. «Мы их проверили, они выполняют сугубо гуманитарные функции», – отвечали в Вашингтоне. После 11 сентября все эти фонды, кстати, были мгновенно закрыты. В Кремле затаили обиду: поведение Вашингтона означало, что фонды имели вовсе не гуманитарные функции. Просто, когда убивали российских солдат, американцам было все равно, а теперь, когда начали убивать американцев, они приняли меры.

11 сентября стало моментом редкого единения между Россией и США. Владимир Путин был первым мировым лидером, позвонившим Джорджу Бушу, чтобы высказать слова поддержки. С этого момента Путину стало проще объяснять, с кем он воюет в Чечне, – там та же «Аль-Каида», что напала на США. Автором этой концепции, объясняющей, что враги России больше, чем кажутся, был директор ФСБ Николай Патрушев.

Последующие действия американцев Кремль тоже очень поддерживал. Режим талибов в Афганистане всегда был крайне враждебен России: во-первых, талибы были идеологическими наследниками тех моджахедов, которые победили в 1980-е годы Советский Союз. Во-вторых, они дестабилизировали ситуацию в Таджикистане и Узбекистане, т. е. могли в любой момент начать полномасштабную войну у южных границ России. Именно американцы негласно поддерживали Талибан все 1990-е годы, поэтому, когда США решили талибов свергнуть, в Москве был праздник.

Перед самым началом бомбардировок Афганистана американцы обратились с вопросом: не возражает ли Россия против того, что они создадут временную военно-воздушную базу в Киргизии для нужд предстоящей операции – только на время самой военной кампании, максимум на год. Сначала помощник президента по национальной безопасности Кондолиза Райс позвонила Александру Волошину, а потом и Джордж Буш напрямую спросил Путина. Согласие Москвы было необходимо, потому что снабжение ее должно было идти через территорию России, да и Киргизия действовала с оглядкой на Москву. «Это вполне соответствует нашим интересам – это же ради борьбы с талибами», – рассудили Путин с Волошиным. «Мы не возражаем», – ответили они.

Военная операция в Афганистане была молниеносной. Она продолжалась меньше недели, после чего талибы будто бы растворились. Они оставили власть проамериканскому правительству Хамида Карзая и исчезли, но лишь для того, чтобы через пару лет начать появляться из каждой щели и вести против американцев изматывающую партизанскую войну. Но в начале 2002 года все выглядело просто триумфально: весь цивилизованный мир впервые един и в одночасье сокрушил нецивилизованного врага.

В конце 2002 года Волошин поинтересовался у своей американской визави Кондолизы Райс, когда, кстати, американцы собираются покинуть Киргизию. Операция-то уже закончилась. «Вы знаете, мы поняли, что эта база нам очень нужна. Насовсем», – якобы ответили в Вашингтоне.

Путин очень злился. Ему казалось, что американцы его все время обманывают – на каждом шагу. При этом они, с одной стороны, никогда не признают своих ошибок. А с другой – все время указывают Кремлю на его ошибки, выговаривая и поучая, как надо себя вести.

Но важнейшим переломным моментом стала война в Ираке. Джордж Буш, подталкиваемый нефтяным и военным лобби и неоконсервативными идеологами, решил начать воен-

ную операцию по свержению режима Саддама Хусейна. Решение было принято в апреле 2002 года сразу после окончания операции против талибов в Афганистане. Однако в Кремле далеко не сразу узнали о том, что нападение на Ирак – дело решенное. Поначалу представители Вашингтона (в первую очередь Кондолиза Райс) в ходе всех переговоров красноречиво расписывали, насколько ужасен режим Саддама Хусейна, как он близок к террористам из «Аль-Каиды» и как угрожает миру своим химическим и бактериологическим оружием. Кондолиза Райс не была откровенна – она не говорила, что решение о начале военной операции уже принято, более того, британский премьер Тони Блэр уже согласился принять в ней участие.

Она, впрочем, вряд ли знала, что российские власти не могут поверить в живописуемые злодеяния Саддама Хусейна, поскольку знают его намного лучше, чем могли себе представить американцы. Бывший премьер-министр и некогда соперник Путина Евгений Примаков, в прошлом арабист, считался едва ли не другом Хусейна, лидеры крупнейших российских псевдооппозиционных партий коммунист Геннадий Зюганов и популист Владимир Жириновский были частыми гостями в Багдаде. Российские компании (в первую очередь «Лукойл» и «Зарубежнефть») добывали нефть в Ираке, российские компании сотрудничали с Ираком по программе «Нефть в обмен на продовольствие». Количество межнациональных – формальных и неформальных связей – между Россией и Ираком трудно описать. Понедельничный рейс, прилетающий в Багдад из Москвы, всякий раз привозил проституток для сыновей Саддама Хусейна и их окружения.

Спустя пару лет следственная комиссия ООН во главе с бывшим председателем Федеральной резервной системы США Полом Волкером обвинит несколько десятков российских компаний, а также Министерство по чрезвычайным ситуациям и Русскую православную церковь в том, что они получали квоты на поставки иракской нефти и платили огромные откаты правительству Саддама Хусейна. Также комиссия Волкера обвинит нескольких российских политиков в том, что они получали взятки от Саддама. Все обвиненные в этом будут отрицать свою вину, но лишь Александр Волошин докажет комиссии ООН, что его подпись на представленных документах фальшивая.

Так или иначе, понимание того, как устроен Ирак, в Москве было куда более полным, чем в Вашингтоне. И российские власти были никак не заинтересованы в свержении понятного, предсказуемого и контролируемого Саддама Хусейна, погрязшего в коррупции, а вовсе не в разработках химического оружия массового поражения. Российский бизнес работал в Ираке и лишался такой возможности в случае начала войны. Однако эти аргументы Кремль предъявить Кондолизе Райс не мог. Поэтому использовал лишь аргументы про ненасилие, помощь мирному населению, дипломатические способы решения проблемы. Все это не производило на американцев никакого впечатления.

Весь 2002 год прошел в спорах вокруг Ирака: Буш и Блэр продолжали врать Путину по поводу опасности химического и бактериологического оружия. Куда проще Путину оказалось найти общий язык с Герхардом Шрёдером и Жаком Шираком. Они на словах также боролись за мир, но на деле не скрывали циничной заинтересованности. Французские компании также работали в Ираке и, возможно, давали взятки, что мотивировало Жака Ширака на борьбу за мир. Причины пацифизма Шрёдера были, возможно, более благородны. В октябре 2002 года в Германии должны были пройти выборы, и его СДПГ была обречена проиграть. Перед лицом неминуемого поражения Шрёдер попытался сделать ставку на популярные у избирателей антивоенные настроения и исключительно из популистских соображений начал протестовать против военных планов США. Чем большим пацифистом был канцлер, тем сильнее рос его рейтинг – в итоге случилось невероятное и он выиграл выборы. Владимир Путин присоединился к этой группе – они втроем, со Шрёдером и Шира-

ком, образовали новую антивоенную Антанту в противовес антииракскому альянсу США, Великобритании и Испании.

Впрочем, Ширака, Шрёдера и Путина объединял не только циничный расчет, но и искреннее раздражение. Все трое были раздосадованы тем, что Джордж Буш принял решение начать войну и ему даже не пришло в голову поинтересоваться их мнением. Лидеры России, Германии и Франции, как, впрочем, и Великобритании, не были допущены в этот условный мировой совет директоров: зато там были вице-президент Дик Чейни, патронируемые им оборонные и нефтяные корпорации, министр обороны Дональд Рамсфелд, его заместитель Пол Вулфовиц и другие влиятельные неоконсерваторы. Значение каждого из них в мировой политике оказалось значительно больше, чем голоса лидеров стран «Большой восьмерки».

С началом войны в Ираке отношение Путина к США изменилось, говорят его советники, и уже никогда не улучшалось. Даже на своего друга Тони Блэра Путин обиделся и всякий раз при встрече выговаривал ему, даже на пресс-конференциях. Британская пресса реагировала на эти инциденты нервно: Путин публично унижает премьер-министра, а тот смущенно улыбается и молчит. Впрочем, это был еще не конец дружбы.

Ни химическое, ни бактериологическое оружие в Ираке обнаружить так и не удалось. Тогдашний госсекретарь США Колин Пауэлл несколько лет спустя даже публично попросил прощения за то, что по ошибке дезинформировал мировую общественность.

Уникальный журналистский коллектив

Борьба за мир значительно увеличила популярность Владимира Путина на международной арене. В июне 2003 года социологическая служба The Pew Research Center опубликовала результаты опроса, согласно которому Путин был самым популярным политиком в мире, второе место занимал Ширак, а третье – Шрёдер. Все три политика подпортили свои отношения с США.

Но, как писали американские СМИ, в Белом доме приняли разные решения в отношении каждого из восставших лидеров: «Францию наказать, Германию игнорировать, Россию простить». Владимира Путина некоторое время называли в американских СМИ другом диктатора Саддама, хотя на самом деле никогда в жизни с Саддамом Хусейном не встречался, в отличие, скажем, от отца американского президента, Джорджа Буша-старшего. Однако прозвище не слишком прилипло.

Куда сильнее репутацию Владимира Путина за границей портили другие его бывшие друзья: Борис Березовский и Владимир Гусинский.

Еще в ноябре 2000 года, когда скандал вокруг «Курска» утих, российские силовики вновь вспомнили про обоих и начали их искать. Генпрокуратура объявила, что Владимиру Гусинскому вновь назначена мера пресечения «заключение под стражу». Березовского просто вызвали на допрос. Но оба к тому моменту покинули Россию. Гусинский жил на своей вилле в Испании, а Березовский – в своем особняке в Лондоне. Оба заявили, что возвращаться в Россию не планируют.

6 декабря 2000 года генпрокуратура объявила Гусинского в международный розыск по линии Интерпола. Спустя неделю испанские полицейские пришли к Гусинскому и препроводили его в тюрьму. Дело Гусинского отдали на рассмотрение знаменитому судье Балтасару Гарсону, который прежде расследовал дело экс-президента Чили Аугусто Пиночета. Гусинский провел в испанской тюрьме 11 дней, после чего судья Гарсон дал ему возможность выйти под залог в \$5,5 млн. При этом Гусинский остался под надзором испанской полиции, под домашним арестом и без паспорта.

Дело расследовалось долго и тщательно. В апреле 2001 года Бальтасар Гарсон постановил, что дело против Гусинского политически мотивировано и выдавать его нельзя. Принять такое решение Гарсону помогли события в Москве – пока Гусинский был под судом в Испании, в России занимались отъемом его главного актива – телеканала НТВ. Российский газовый монополист «Газпром», который неоднократно кредитовал Гусинского и купил у него пакет акций, решил забрать телекомпанию за долги.

Наезд на НТВ был главным внутривнутриполитическим скандалом зимы 2001 года. Вся страна поделилась на два лагеря: одни говорили, что вместе с НТВ гибнет свобода слова, другие – что НТВ обслуживает личные бизнес-интересы Гусинского и свободой слова на телеканале и не пахнет. Обе точки зрения имели под собой основания. Но особая ирония была в составе основных действующих лиц этого скандала. Роль «убийцы НТВ» (гендиректора компании «Газпром-Медиа», которая забирала телеканал за долги) играл видный либерал Альфред Кох, друг идеолога ельцинских экономических реформ Анатолия Чубайса. Спустя 13 лет он сам станет диссидентом и не вернется в страну, где против него возбудят уголовное дело, т. е. повторит судьбу Гусинского.

Мало кто помнит, что пламенным защитником свободы слова, адвокатом Гусинского и НТВ во всех судах был молодой юрист Павел Астахов. Десять лет спустя он станет не только госслужащим, но и одним из самых ярких символов государственного популистского антиамериканизма. В качестве уполномоченного по правам ребенка в России он отстаивал печально известный «антисиротский» закон, который запрещал усыновление российских детей сначала гражданам США, а потом и вообще гражданам стран, где легализованы однополые браки.

Разгром НТВ до сих пор считается одним из мрачных символов наступления на свободу прессы в России. Однако в тот момент многим он таковым вовсе не казался. В поддержку НТВ проводили многотысячные митинги, но на них ходили только пожилые интеллигенты. Молодой и успешный средний класс к судьбе телеканала был равнодушен, многие лидеры либералов (у которых в Думе была тогда даже своя фракция) в этом конфликте находились на стороне «Газпрома», потому что не могли простить Гусинскому и НТВ поддержку команды Примакова – Лужкова на минувших выборах.

Методы отъема компании были довольно нечистоплотными. На допрос в прокуратуру вызвали самую известную ведущую новостей НТВ, смелую и пламенную журналистку Татьяну Миткову, чтобы расспросить ее о том, как она получила кредит на покупку квартиры. В ответ ее коллега, ведущая популярного ток-шоу Светлана Сорокина выступила с обращением к Путину. Спустя пару минут после ее эмоционального выступления на НТВ позвонил президент и пригласил журналистов телеканала в Кремль на разговор. Но никакие разговоры уже не помогали.

Не удалось Гусинскому привлечь и помощь из-за рубежа: он вел переговоры о продаже своей доли основателю CNN Теду Тернеру, но не успел довести сделку до конца.

В ночь с 13 на 14 апреля 2001 года представители «Газпрома» заменили охрану в студии НТВ и перестали пускать журналистов, включая главного редактора Евгения Киселева. Часть сотрудников (в том числе недавно допрашиваемая Миткова) решили остаться на телеканале и работать уже под руководством газпромовских менеджеров. Десять лет спустя Миткова станет одним из символов государственной пропаганды.

Лояльная Гусинскому команда была отстранена от эфира, но спустя несколько дней ее принял Борис Березовский, у которого после продажи ОРТ еще оставался один крупный телеканал – ТВ-6. Он уволил весь журналистский коллектив своей телекомпании и предложил легендарной команде НТВ работать у него. ТВ-6 закрыли за долги год спустя по очень похожей схеме, но на этот раз кредитором выступала не государственная газовая компания «Газпром», а частная нефтяная компания «Лукойл».

Чтобы погасить скандал, Волошин все же предложил дать «уникальному журналистскому коллективу» во главе с Евгением Киселевым еще один шанс. Группа из десяти крупнейших российских олигархов скинулась, чтобы создать на месте разрушенных НТВ и ТВ-6 новый качественный телеканал, не принадлежавший ни Березовскому, ни Гусинскому, и чтобы контроля не было ни у кого. Явно в насмешку руководить наблюдательным советом нового свободного телеканала Волошин посадил Евгения Примакова. Его логика была такой: они же хотели, чтобы он стал президентом, – вот пусть теперь он ими и руководит. Но телеканал ТВС просуществовал год: с 2002-го по 2003-й. Совладельцы перессорились, начали выкупать друг у друга доли, после чего администрация президента решила отключить канал. Впрочем, особенного интереса у зрителей он к тому времени уже не вызывал.

К тому моменту, когда Березовский вступился за журналистов НТВ, он еще не был в розыске. Зато в Москве арестовали его близкого друга Николая Глушкова, которого обвиняли в хищении средств авиакомпании «Аэрофлот» (ее акционером был Березовский). Позже Березовский уверял, что Глушков был заложником и инструментом давления на него. Но к осени 2001 года (как раз после того, как журналисты бывшего НТВ обосновались на его канале ТВ-6) дошло дело и до него.

В сентябре 2001 года Генпрокуратура заочно предъявила Березовскому обвинения в пособничестве мошенничеству и отмывании денег. Месяц спустя он попросил в Соединенном Королевстве политического убежища. Однако британское правительство не торопилось с ответом – только что, 11 сентября, мир потрясли теракты, Россия и Британия плечом к плечу стояли в строю борцов с международным терроризмом.

Однако беглый олигарх продолжал свою борьбу. В начале 2002 года на его деньги в Великобритании была опубликована книга «ФСБ взрывает Россию», а также был выпущен фильм «Покушение на Россию» по ее мотивам. Авторами фильма и книги были ближайшие сподвижники Березовского (один из них – бывший офицер ФСБ и помощник Березовского Александр Литвиненко). В обоих произведениях выдвигалась конспирологическая версия, согласно которой взрывы домов в Москве и других российских городах осенью 1999 года организовали не чеченские террористы, а ФСБ. Авторы книги и фильма, а вместе с ними и Березовский уверяли, что теракты были осуществлены для того, чтобы увеличить популярность Путина, только что назначенного премьер-министром, создав ему имидж борца с террором.

После появления обвинений в адрес ФСБ атака на Березовского усилилась. Телеканал ТВ-6, к слову, был закрыт, когда подготовка фильма и книги были на завершающей стадии. В августе 2002 года против Березовского были выдвинуты новые обвинения, в октябре его объявили в международный розыск. Российские чиновники пребывали в полной уверенности, что Великобритания вот-вот выдаст Березовского. Препятствием к этому была близость между Москвой и Лондоном уже не было, операция в Ираке развела их по разным лагерям. Но Тони Блэр и его правительство по-прежнему старались не портить отношения со старым другом. 2 апреля 2003 года, за день до начала штурма Багдада, министерство внутренних дел Великобритании официально отказало Березовскому в политическом убежище. Вопрос об экстрадиции должен был решить суд. После заседания эксцентричный Березовский вышел в маске Путина и, позируя фотографам, заявил: «Можете теперь звать меня Владимиром Владимировичем».

В августе 2003 года, пока Березовский боролся за право остаться в Лондоне, хорошие новости для российской прокуратуры поступили из Афин – там в аэропорту Элефтериос Венизелос был задержан Владимир Гусинский. После того как его отпустил испанский суд, в России ему предъявили новые обвинения и вновь объявили в международный розыск по линии Интерпола. Греческая полиция его задержала, бывшего медиамагната отправили

в городскую тюрьму, и шансы на его выдачу России оценивались очень высоко – куда выше, чем в прошлом шансы на экстрадицию из Испании.

Норд-ост

Одним из самых страшных дней в истории президентства Владимира Путина стало 23 октября 2002 года. Вечером того дня группа террористов захватила театральный центр в Москве – в тот момент в нем при полном зале шел мюзикл «Норд-Ост». В заложниках оказались около 850 человек. Путин воспринял это как катастрофу – война, закончить которую он обещал три года назад, не только не закончилась, а вновь пришла в Москву.

По воспоминаниям людей из близкого окружения, Путин был не просто растерян – он был убежден, что это конец его политической карьеры. Один из знакомых Путина сравнивает его состояние с поведением Сталина в июне 1941 года. Как известно, после того, как немцы почти без боя взяли Минск, Сталин впал в прострацию, уехал на ближнюю дачу и два дня оттуда не выезжал. А когда за ним приехали члены Политбюро с просьбой возглавить новый орган по управлению страной в состоянии войны, он (по воспоминаниям Микояна) «вжался в кресло», будто ждал, что его приехали арестовывать.

Путин, конечно, никуда не уезжал, но был убежден, что общество никогда не простит ему нападения террористов на Москву. Директор ФСБ Николай Патрушев был куда более спокоен, хотя свободный проезд вооруженных чеченцев в Москву был провалом именно его ведомства.

Однако никаких политических последствий у захвата «Норд-Оста» не было. Через три дня спецслужбы штурмом взяли театральный центр: в зал пустили усыпляющий газ, все находившиеся в нем заснули.

По разным данным, в результате спецоперации погибло от 130 до 175 человек. Большинство – в результате того, что им не была оказана необходимая медицинская помощь. Находившихся без сознания заложников сваливали в автобусы, многие из них умерли не от газа, а оттого, что были задавлены или задохнулись рвотными массами.

В момент штурма всех террористов застрелили – на последующем суде допрашивать стало некого, обстоятельства подготовки захвата навсегда остались тайной.

Спустя полгода журналистка Анна Политковская опубликовала интервью с человеком, который называл себя одним из участников группы террористов, захвативших театральный центр⁶. По его словам, он был чеченцем, которого завербовали российские спецслужбы. В интервью говорилось, что российские силовики заранее знали о готовящемся теракте в Москве. Выяснить, насколько справедлива эта версия, сейчас вряд ли возможно – герой публикации Политковской вскоре погиб в автокатастрофе⁷. Сама Анна Политковская будет убитая в 2006 году.

Единственными наказанными за теракт оказались журналисты: на телеканале НТВ вновь сменилось руководство. Гендиректор Борис Йордан, американец русского происхождения, который за полтора года до этого помогал отбирать телеканал у Гусинского, был уволен. Путин обвинил его в желании «заработать на крови сограждан, если, конечно, они считают их своими согражданами», и все якобы из-за того, что НТВ в прямом эфире показывал штурм театрального центра (на самом деле подобной трансляции не было, уверяют сотрудники НТВ).

⁶ Политковская А. Полгода после «Норд-оста»: один из группы террористов уцелел. Мы его нашли // Новая газета. № 30. 28.04.2003.

⁷ Политковская А. Программа защиты от свидетелей. Управляемые теракты в стране управляемой демократии? // Новая газета. № 96. 22.12.2003.

Руководители спецслужб, организовавшие операцию по освобождению заложников, были представлены к госнаградам, а первый заместитель директора ФСБ Патрушева, возглавлявший штаб, стал героем России.

Формула газа, который был применен в театральном центре, не рассекречена до сих пор. Бывшие заложники много лет судятся против России в различных инстанциях, включая Страсбургский суд, однако государство отказывается раскрывать информацию об использованном газе, которая была необходима для лечения пострадавших.

Королевская свадьба

24 июня 2003 года Владимир Путин прилетел в лондонский аэропорт «Хитроу» вместе с женой Людмилой. В аэропорту его встречал принц Чарльз. Они вместе отправились на площадь Хорсгардс, где их ждала королева Елизавета II – это был не простой визит, а государственный, визит максимально возможного статуса, которому сопутствуют пышный прием и наибольшие почести. «Государственный визит – это максимальный комплимент, который одна страна может сделать другой, – так объяснял журналистам происходящее пригласивший Путина Тони Блэр, – никогда еще отношения между нашими странами не были так хороши». Действительно, это был первый государственный визит главы Российского государства в Соединенное Королевство с 1896 года, с тех пор как последний царь Николай II, главный царь-реформатор в российской истории, посетил королеву Викторию.

Но в назначенный час Путин не приехал. Он вместе с принцем Чарльзом попал в пробку. Королева ждала 14 минут – невиданный дипломатический скандал, хотя и произошедший помимо воли самого Владимира Путина.

Королева простила опоздание, и дальше все шло безупречно. В одном экипаже Путин и Елизавета II отправились в Букингемский дворец, во второй карете ехали Людмила Путина и герцог Эдинбургский, в третьей – наследник престола принц Чарльз и министр финансов Алексей Кудрин, вроде бы не наследник.

Вечером королева дала прием в честь Путиных, которые остановились именно в Букингемском дворце. Российской правящей чете показали Вестминстерское аббатство и Тауэр, президент встретился с лидерами трех крупнейших британских партий, слетал на день в Эдинбург, где беседовал с представителями шотландской интеллектуальной элиты.

«Россия, без всяких сомнений, – часть Европы, – говорил Путин шотландским интеллектуалам. – Европа продолжается и за Уральскими горами, потому что, если мы возьмем людей, которые живут на Дальнем Востоке, они мало чем отличаются от тех граждан России, которые проживают в европейской части. Это в принципе очень хороший потенциал будущего развития Европы, но сегодня мы должны ставить перед собой реальные цели. Мы должны как минимум сделать так, чтобы в Европе не возникало новых разделительных линий, чтобы люди имели возможность общаться между собой, чтобы правила Шенгенской зоны не воспринимались как нечто, подобное Берлинской стене, которая разъединяла Европу еще несколько лет назад. Мы должны сделать все для того, чтобы Россия и Европа помогали развивать друг друга гармонично и стабильно. У нас есть взаимная заинтересованность друг в друге потому, что даже по структуре экономики Россия и Европа удачно дополняют друг друга⁸». Аудитория аплодировала ему.

Но главным результатом этого визита стал прорыв в экономическом сотрудничестве. Президент Путин и премьер Блэр провели энергетическую конференцию, в ходе которой было сделано сразу несколько эпохальных заявлений. Во-первых, в присутствии двух лиде-

⁸ Выступление и ответы на вопросы на встрече с представителями научных, общественных и деловых кругов Шотландии // Официальный сайт Кремля. 25.06.2003.

ров глава BP лорд Джон Браун и владелец компании российской «Тюменской нефтяной компании» (ТНК) Михаил Фридман подписали соглашение о создании российско-британской компании ТНК-BP. Британский нефтяной гигант покупал 50 % российской компании (что позволяло ему стать второй по величине нефтяной компанией в мире и обогнать извечного конкурента Royal Dutch Shell). Впервые о готовящейся сделке стало известно еще в феврале 2003 года, все приготовления прошли удачно, ничего не сорвалось – сделку курировал лично Владимир Путин. Компания сохраняла российскую прописку, но получала британского гендиректора, им стал Роберт Дадли. Это был удивительный и символический прорыв – отныне англичане начнут добывать сибирскую нефть. Британские журналисты шутили, что Путин повторил достижение Александра II, который приезжал в Лондон в 1874 году с государственным визитом, чтобы выдать замуж свою дочь за герцога Эдинбургского, Путин же приехал, чтобы выдать замуж свою нефтяную «дочку» за лорда Брауна из BP.

Это был символический праздник. Аплодировали свадьбе в зале не только Путин и Блэр, но также глава «Газпрома» Алексей Миллер и владелец крупнейшей в России нефтяной компании Михаил Ходорковский. Его партнер по бизнесу, Платон Лебедев, через неделю будет арестован – в России начнется «дело ЮКОСа». А через десять лет Михаила Фридмана заставят продать его долю в ТНК-BP, и это будет для него спасением. Он выведет все имущество из России, перевезет семью в Лондон и обоснуется в Великобритании. «Брак» окажется недолгим, и дети решат жить подальше от России.

Но слияние ТНК и BP – не единственное достижение того исторического визита. Путин и Блэр объявили, что две страны запускают амбициозный проект – строительство Северо-Европейского газопровода, трубы стоимостью \$5,7 млрд, которая соединит Россию и Великобританию. Два правительства подписали меморандум, оставалось только, чтобы предполагаемые соинвесторы проекта, «Газпром» и Royal Dutch Shell, подписали необходимое соглашение. Как гордо заявлял Тони Блэр, с учетом инвестиций Royal Dutch Shell в проект «Сахалин-2» Британия становилась первой страной по количеству инвестиций в российскую энергетику.

За все время визита Путина присутствие Бориса Березовского неподалеку, в Лондоне, почти не чувствовалось. Разве что в соседнем квартале от Букингемского дворца проходил фестиваль правозащитного кино, в рамках которого показывали «Покушение на Россию». Организаторы фестиваля напечатали гигантский билет для Путина и Блэра и радостно демонстрировали его журналистам.

Государственный визит продолжался четыре дня и стал, наверное, апогеем близости России и западного мира.

Но потом все рухнуло. 9 сентября МВД Великобритании пересмотрело собственное решение и предоставило Березовскому политическое убежище. На следующий день суд отказал России в его экстрадиции.

14 октября греческий суд отказал в экстрадиции Гусинского, который в тот же день, не дожидаясь апелляции Генпрокуратуры, улетел в Израиль.

В ноябре опять-таки Лондонский суд вынес решение по еще одному болезненному и важному для Путина вопросу – отказал в выдаче Ахмеда Закаева, которого российские власти также требовали экстрадировать, считая его одним из лидеров чеченских террористов. Антитеррористического интернационала как и не бывало.

Отказ Британии выдать Березовского и Закаева поставил точку в дружбе между Владимиром Путиным и Тони Блэром. Российский президент счел поступок Блэра предательством. Тот уверял, что британский суд независим и он, как глава правительства, не мог повлиять на его решение, но Путину было, конечно, известно, что независимый суд принял свое решение, только имея на руках бумагу из МВД о получении Березовским политического убежища.

Идею строительства газовой трубы из России в Британию Путин забудет, чтобы вспомнить ее спустя три года, но уже с новым партнером – Герхардом Шрёдером. В 2006 году у Royal Dutch Shell отнимут сахалинские месторождения. Но намного раньше между Россией и Британией начнется полноценная холодная война.

Глава 3

В которой самый богатый человек в России Михаил Ходорковский теряет бизнес и свободу, а семья исчезает

Я встретился с Михаилом Ходорковским 22 декабря 2013 года, через день после его освобождения из колонии. Это было в Берлине, в отеле Adlon. Ходорковский выглядел очень скромным и стеснительным интеллигентом, совсем не таким, каким его описывали люди, знакомые с ним до посадки, жестким, властным, целеустремленным лидером. Он говорил, что не собирается в ближайшее время заниматься политикой, но почти каждую свободную минуту уделял общению с журналистами.

Он довольно четко и без раздумий отвечал на любые вопросы (как будто многократно репетировал их до этого). А еще – при выключенных камерах – задавал вопросы сам. Как правило, они касались расклада сил в Кремле, Ходорковский старался выяснить, как обстоят дела теперь, что изменилось, кто у руля. Больше всего его интересовала фигура Игоря Сечина. «Есть ли у Сечина шанс стать премьером?» – спрашивал он.

За год после освобождения Ходорковский «заматерел». Он возобновил работу своего фонда «Открытая Россия» и набрал на работу безумное количество журналистов, которые не очень четко понимали, что от них хочет Ходорковский.

На интервью для книги он согласился легко, но выделил очень ограниченное время. Мы вели все разговоры при помощи FaceTime, и Ходорковскому явно было приятно, что он может пользоваться гаджетом и технологией, которая возникла, пока он сидел в колонии.

Рассказывая о причинах дела ЮКОСа, он почему-то пользовался военной, а вовсе не деловой терминологией. «Путин повел себя как образцовый армейский начальник. Нам в армии говорили: “Не кричите на строй”. Так и он, обнаружив массовое недовольство крупного бизнеса, отыскал ключевое звено и обрушился на него. После этого других желающих выразить недовольство не нашлось».

Сам Путин не сказал бы лучше.

Шашлычные табу

Летом 2001 года Владимир Путин собрал у себя на даче в Ново-Огарево десяток крупнейших российских бизнесменов на шашлык. Эта встреча вошла в историю как «шашлычное совещание» – новый президент рассказывал олигархам, какими он видит правила игры, что нужно делать, чтобы не повторить судьбу Гусинского и Березовского, которые уже лишились своего бизнеса. В общем правило было простое: не лезть в политику. Михаил Ходорковский, на тот момент владелец пока еще второй по величине нефтяной компании в России, ЮКОСа, вспоминает, что это касалось в основном владельцев СМИ: понятно, что у каждого крупного бизнесмена была возможность оказать политическое давление на власть. Так вот, Путин просил этим не пользоваться.

«ЮКОС был монопольным поставщиком нефтепродуктов в 42 регионах. Если бы я перестал поставлять нефтепродукты, компенсировать дефицит за счет других источников за пару недель невозможно. Это означало, что регионы встали бы. Все машины скорой помощи, пожарные, все жизненно необходимые службы через три дня останавливаются», – вспоминает Ходорковский.

Просьба Путина состояла в том, чтобы олигархи не пользовались подобными рычагами. Тогда у них и не возникнет никаких проблем с силовиками. Предприниматели вздохнули с облегчением. Все с радостью приняли условия президента.

Однако на самом деле все по-разному поняли условия, которые выдвигал Путин. Одни трактуют требования президента довольно четко: не финансировать оппозицию. Подобный вариант высказывает, к примеру, бывший премьер Михаил Касьянов. Другие говорят, что все не было так однозначно, да и не могло быть. На тот момент спонсирование политических партий олигархами было рядовым явлением. В Думе существовала, к примеру, фракция (под названием «Российские регионы»), которую целиком содержала нефтяная компания «Лукойл». У нефтяной компании ЮКОС своей фракции не было, зато депутатом Госдумы являлся один из ее совладельцев, Владимир Дубов, считавшийся главным лоббистом нефтяной отрасли в парламенте.

Еще в 1995 году банк Ходорковского МЕНАТЕП купил 45 % ЮКОСа на сомнительном залоговом аукционе за \$159 млн. Уже в 1997 году, вскоре после начала публичной торговли акциями ЮКОСа, рыночная капитализация корпорации достигла \$9 млрд. А к 2003 году, благодаря успешному менеджменту и курсу на полную транспарентность, капитализация приблизилась к \$15 млрд. Темное прошлое с залоговыми аукционами было забыто.

Начало 2000-х годов было для Михаила Ходорковского очень удачным временем. Он прилагал огромные усилия для того, чтобы превратить ЮКОС в крупнейшую в России публичную компанию. И преуспел: ЮКОС стал прозрачной и привлекательной для западных инвесторов компанией.

Глава британской ВР лорд Браун писал в своих воспоминаниях, что в 2002 году, планируя получить доступ к российским нефтяным месторождениям, рассматривал три возможных варианта для инвестиций: на третьем месте шла ТНК, на втором – «Роснефть», а на первом – ЮКОС.

«17 февраля 2002 года к моему дому подъехало несколько черных бронированных автомобилей, из которых высыпали дюжие телохранители, – так лорд Браун описывает встречу с Ходорковским в своей книге воспоминаний «Больше, чем бизнес». – Подобно многим олигархам Ходорковский жил под Москвой за высоким забором в тщательно охраняемом доме с ночным освещением по всему периметру участка. Он был помешан на безопасности. Мой дом был намного скромнее, не так хорошо защищен, но тем не менее вполне безопасен»⁹.

По словам главы ВР, в ходе обеда они с Ходорковским обсудили возможность покупки 25 % капитала плюс одну акцию компании ЮКОС. Брауну казалось, что этого было мало. Но когда он заикнулся о большем, Ходорковский ответил: «Двадцать пять процентов, не больше – и никакого контроля. Если будете сотрудничать со мной – о вас позаботятся».

«В очках, с тихим голосом, Ходорковский мог произвести ложное впечатление скромного человека, – вспоминает лорд Браун. – Но чем дольше мы разговаривали, тем больше я нервничал.

Он начал говорить о том, как провести людей в Госдуму, как он будет добиваться снижения налогов для нефтяных компаний, и о многих влиятельных людях, которых он контролирует. На мой вкус, он был слишком могущественным. Конечно, теперь легко говорить, но тогда я уловил в этом что-то неуместное».

Михаил Ходорковский, который произвел на руководителя ВР впечатление «слишком могущественного», в тот момент испытывал головокружение от успехов. Он не только сделал свою компанию крупнейшей в России и стал самым богатым человеком в стране, он в считанные месяцы стал любимцем всей российской либеральной интеллигенции.

⁹ Browne J. Beyond Business: An Inspirational Memoir from a Visionary Leader May 1, 2011.

Он финансировал организацию «Открытая Россия», которая спонсировала добрую половину российских неправительственных организаций, давала деньги на культурные и просветительские проекты, подключала Интернет в отдаленных сельских школах. Сам Ходорковский выступал с лекциями и речами, демонстрируя, что он пусть еще не политик, но уже готовый лидер.

Владимир Путин, конечно, не мог прямо оговорить такого развития событий на «шашлычном совещании» в 2001 году. Он не мог сказать, что олигархам запрещается быть народными любимцами, но во многом именно это он и имел в виду.

Парламентская республика

Ходорковский был не просто кумиром либеральных интеллигентов. Кроме этого он довольно быстро стал неформальным лидером всей российской нефтяной промышленности. В 2002 году, когда правительство ввело налог на добычу полезных ископаемых, именно ЮКОС возглавил борьбу с ним. Новый налог в первую очередь увеличивал нагрузку на нефтяников, и накануне рассмотрения поправок в Налоговый кодекс к министру экономики Герману Грефу, идеологу налоговой реформы, пришел партнер Ходорковского, президент «ЮКОС-Москва» Василий Шахновский. Он самоуверенно сообщил министру, что закон будет отклонен, потому что он «противоречит интересам ЮКОСа», а если правительство будет настаивать, то нефтепромышленники напишут коллективное письмо с требованием отправить Грефа и Кудрина в отставку за непрофессионализм. Правительство должно самостоятельно отложить обсуждение законопроекта в Думе и дожидаться, когда ЮКОС подготовит свои встречные предложения по нему.

Греф и Кудрин были в бешенстве. Наутро они вдвоем отправились в Думу защищать придуманный ими налог. Они были уверены, что Дума, большинство в которой принадлежит прокремлевским фракциям, не сможет отклонить внесенный правительством законопроект. Однако он с треском провалился у них на глазах. Самое абсурдное, что против закона, повышающего налоговую нагрузку на нефтяных олигархов, единогласно проголосовали коммунисты, а также члены многих фракций, в том числе прокремлевских.

Для правительственных либералов это было неприятным уроком, теперь им приходилось считаться с еще одним набирающим силу игроком, Михаилом Ходорковским. Ни Кудрина, ни Грефа такая перспектива особенно не радовала. Им потребовался целый год для того, чтобы продавить принятие налога на добычу полезных ископаемых.

Свое влияние на Думу Ходорковский использовал не только для того, чтобы лоббировать законы, выгодные нефтяной промышленности.

Сейчас он рассказывает, что еще в начале 2003 года обсуждал с депутатами из «Единой России» возможность изменения конституции и переход к «французской модели президентско-парламентской республики».

«Все они понимали, что в конституции 1993 года переборщили с президентскими полномочиями, – говорит Ходорковский. – Но на такую реформу власть можно было убедить только после 2004 года». Близко знающие Ходорковского люди рассказывают, что в тот период он думал, что в будущем – гипотетически – мог бы стать премьером.

В 2004 году в России должны были пройти президентские выборы. Владимиру Путину предстояло переизбраться на второй срок, а перед тем, на декабрь 2003 года, были намечены выборы в Государственную думу. Соответственно, для внесения необходимых поправок в конституцию Ходорковскому нужно было иметь договороспособный и даже послушный парламент. Поэтому за год до выборов ЮКОС начал финансировать почти все существующие оппозиционные политические партии: и «Яблоко», и «Союз правых сил», и коммунистов.

Глава администрации Волошин о растущих политических амбициях Ходорковского был осведомлен. Ходорковский несколько раз обсуждал идею перехода к парламентской модели с ним лично. В Кремле видели, что юкосовцы занимаются темой очень серьезно, вкладываются в контроль над профильными комитетами и постоянно говорят про парламентскую республику.

То, что ЮКОС спонсирует компартию, Волошин одобрял: чем больше они берут денег у капиталистов, чем больше своих мандатов отдают спонсорам, тем сильнее разлагаются изнутри и перестают быть коммунистами. Все понимали, что коммунистический электорат не за деньги ходит на выборы, поэтому, если у коммунистов будет больше денег, их результат не вырастет. А если к тому же половину списка коммунистов составят бизнесмены, это их будет толкать в социал-демократию.

Новая элита

Если влиятельных либеральных министров, таких как Алексей Кудрин и Герман Греф, раздражал рост влияния Ходорковского, то главу кремлевской администрации Александра Волошина и премьера Михаила Касьянова куда больше беспокоил другой человек. То был неожиданный соперник, которого они почему-то прозевали и вовремя недооценили. Его звали Игорь Сечин, и работал он под самым носом у Волошина, его собственным заместителем, а также главой личной канцелярии президента.

Первые пару лет они его даже не замечали, полагая, что это просто мелкий клерк, который носит за Путиным портфель, каждый день встречает президента у лифта, организует его график встреч и переписку. Однако к середине второго пребывания Путина (и Сечина) в Кремле они поняли, что сильно недооценили президентского секретаря. Оказалось, что идеальный аппаратчик, всегда стоящий навытяжку перед первым лицом, обладает немалым авторитетом в ФСБ и среди выходцев из органов. Он сумел пролоббировать несколько неожиданных кадровых назначений, и именно вокруг него сформировалась неформальная группировка старых друзей президента, служивших в КГБ СССР и знавших его еще по ленинградской юности. В СМИ эту группу называли «силовики» (позже это слово войдет во все языки мира, загадочные *siloviki* будут фигурировать во всех публикациях о российской политике). К этому клану принято относить, помимо Сечина, генерального прокурора Устинова (он успел породниться с Сечиным – их дети поженились), главу ФСБ Николая Патрушева, еще одного заместителя Волошина – Виктора Иванова, и нескольких олигархов: главу компании «Роснефть» Сергея Богданчикова и банкира Сергея Пугачева.

Впрочем, сейчас Пугачев говорит, что у него не было никаких особых отношений с силовиками и Сечин всегда оставался для него всего лишь человеком, «который носит портфель за Путиным». При этом Патрушева он называет своим старинным приятелем, а вот с Ходорковским, по его словам, у него были очень плохие отношения.

Еще больше Волошин и Касьянов недооценили близость Сечина к президенту – тот факт, что практически все 1990-е годы он работал личным секретарем Путина, чем сильно выделялся в мэрии Петербурга (у всех остальных начальников были секретари-женщины, и только у Путина – секретарь-мужчина). Когда Путин уходил в отставку, Сечин ушел вместе с ним, потом попросился взять его с собой в Москву. И Путин взял, так как не сомневался в верности помощника.

По словам Станислава Белковского, возглавлявшего тогда клуб самых влиятельных политологов страны, Совет по национальной стратегии, либеральной части администрации Сечин напоминал Александра Коржакова – легендарного всесильного телохранителя Бориса Ельцина, который тоже отчаянно боролся с молодыми реформаторами – и был ими низверг-

нут в разгар президентских выборов 1996 года. Так и сейчас, надеялись либералы, Сечина тоже легко удастся оттеснить.

Ходорковский уверяет, что предстоящий конфликт ощущался всеми: «Сечинское крыло двигалось по своей модели, а нам хотелось двигаться по своему пути, к более транспарентной экономике». По его словам, «все чувствовали, что близится время принятия решения, Путину предстоит сделать выбор между одними или другими: силовиками или либералами».

Впрочем, либералы и силовики – это условное клише, ставший привычным стереотип. Тот же Белковский уверяет, что причиной борьбы были вовсе не идеологические расхождения. Двумя противоборствующими лагерями были старая и новая элита. Одна сторона конфликта – это Семья и ее приближенные, которые держали в своих руках все ресурсы и все рычаги власти, вторая – молодые, еще не набравшие достаточного веса и богатства карьеристы. Целью первых было отстоять свое, целью вторых – отобрать у первых как можно больше.

Для борьбы с Сечиным, говорит Белковский, Волошин решил использовать главу ЮКОСа – ему не хотелось подставляться самому, поэтому он придумал свалить Сечина руками Ходорковского. Ему казалось это довольно несложным. Решающий выпад был назначен на 19 февраля – в этот день в Кремле должна была состояться встреча президента Путина с членами РСПП – Российского союза промышленников и предпринимателей, т. е. с клубом крупнейших олигархов.

Призрак залоговых аукционов

Ходорковский вспоминает, что за несколько дней до памятного совещания 19 февраля 2003 года члены РСПП собрались в администрации президента, чтобы обсудить предстоящие выступления. Александра Волошина на встрече не было – вместо него председательствовал его первый заместитель Дмитрий Медведев. Участники обо всем договорились, в том числе обсудили выступление о коррупции и необходимости бороться с ней. Сначала планировалось, что об этом скажет Александр Мамут, близкий к Семье бизнесмен и давний друг Романа Абрамовича. Однако Мамут уклонился от этого права, зато инициативу взял на себя Ходорковский. Он подготовил речь, в которой содержался выпад против корпорации «Роснефть» – говорилось, что она купила небольшую компанию «Северная нефть» по цене завышенной примерно в три раза.

В день совещания у Путина Ходорковский на всякий случай подошел с текстом выступления к Волошину, спросить, не слишком ли резко и стоит ли говорить все это под камеры, в присутствии журналистов? «Сейчас спрошу у президента», – сказал Волошин и подошел с текстом речи Ходорковского к Путину. И скоро вернулся со словами: «Все ОК, президент говорит, можно под камеры».

А потом на виду у камер разыгралась драматичная сцена. Ходорковский произнес чужую заранее заготовленную речь, а Путин начал отвечать ему лично. Он начал защищать сделку по покупке «Северной нефти», сказав, что у «Роснефти» просто не хватает запасов и нет ничего удивительного в том, что она пытается свои запасы увеличить. Зато у ЮКОСа, сказал Путин, есть сверхзапасы и большой вопрос, как компания их получила. «Это как раз касается обсуждаемой нами темы», – сыронизировал Путин, имея в виду борьбу с коррупцией. Кроме того, президент напомнил Ходорковскому, что у ЮКОСа были проблемы с неуплатой налогов: «Как-то эти проблемы возникли? Так что я возвращаю вам вашу шайбу», – резюмировал Путин.

После окончания той встречи, по словам Пугачева, Путин позвал его с собой. «Он кто вообще такой?» – возмутился Путин. «Президент компании “ЮКОС”» – так пересказывает

свой ответ Пугачев. «А откуда он взял этот ЮКОС, а? И теперь, после всего, что они тут наделали, он меня обвиняет, что я взял взятку? Он меня при всех будет поучать?» – примерно так, по словам Пугачева, негодовал Путин.

«Или мы признаем, что мы все всё украли и у нас круговая порука, – так интерпретирует негодование Путина Белковский, – и тогда никто никому ничего не предъявляет. А если вы мне предъявляете “Северную нефть”, тогда я и найду, что вам предъявить».

Чтобы понять суть внезапного раздражения Путина, стоит вспомнить историю залоговых аукционов – печально известного процесса, в результате которого тогдашний крупнейший ресурсный бизнес получил свои активы.

В 1995 году, за год до президентских выборов, российское правительство придумало план, который должен был обеспечить переизбрание Бориса Ельцина. Этот план предусматривал, что все крупнейшие госпредприятия, в том числе добывающие природные ресурсы, будут приватизированы основными банковскими группами. Банки кредитовали государство, а под залог этих кредитов они получали акции предприятий. Заранее было известно, что государство кредит не выплатит, а значит, предприятия перейдут в собственность банков.

У этих сделок было несколько дополнительных деталей: например, банки кредитовали государство его же собственными деньгами. Для этого Министерство финансов открывало в каждом из банков счет и размещало в нем средства.

Однако этим сговор не исчерпывался. Формально в каждом аукционе участвовало несколько компаний-претендентов. Но реально результат каждого конкурса был заранее предрешен. В ходе судебного процесса в Лондоне «Березовский против Абрамовича» в 2011 году Роман Абрамович признался, что аукцион по продаже «Сибнефти» был фикцией. Заранее было известно, что победить должна структура, связанная с Абрамовичем и Березовским. Один из конкурентов был устранен силой убеждения: под давлением гендиректор компании-претендента снял свою заявку. Второй конкурент был фиктивным – структура, связанная с Михаилом Ходорковским, которая подыгрывала Борису Березовскому.

Аналогичным образом по заранее согласованной схеме были проданы крупнейшие месторождения страны: нефтяные компании «ЮКОС», «Сибнефть», «Сургутнефтегаз», «Сиданко» (будущая ТНК) и пакет компании «Лукойл», металлургические «Норникель», «Мечел» и Новолипецкий металлургический комбинат (НЛМК). Любопытно, что некоторые из десяти крупнейших банков, такие как Инкомбанк и Альфа-банк, были либо отстранены от дележа государственной собственности, либо проиграли все конкурсы. Их дальнейшие попытки оспорить итоги аукционов оказались тщетными. Зато тем, кому повезло, повезло по-крупному: в первую очередь это были структуры, связанные с Борисом Березовским, Михаилом Ходорковским и Владимиром Потаниным. Кстати, именно Потанина, бывшего в 1996–1997 годах первым вице-премьером правительства, считают настоящим автором схемы залоговых аукционов.

Все аукционы были двухступенчатыми. Первая часть – попадание предприятия под залог – происходила до президентских выборов. Вторая часть – окончательное приобретение права собственности – после. Так правительство получало гарантию, что все банкиры соблюдают договоренности.

Идеолог российской приватизации Анатолий Чубайс, в 1994–1996 годах первый вице-премьер, позже в интервью *Financial Times* объяснял, что у правительства не было другого выбора.

«Мы не могли выбирать между “честной” и “нечестной” приватизацией, потому что честная приватизация предполагает четкие правила, установленные сильным государством, которое может обеспечить соблюдение законов, – говорил Чубайс. – У нас не было выбора. Если бы мы не провели залоговую приватизацию, то коммунисты выиграли бы выборы».

в 1996 году, и это были бы последние свободные выборы в России, потому что эти ребята так просто власть не отдают»¹⁰.

В 2014 году в интервью газете «Ведомости» Ходорковский так вспоминал про залоговые аукционы: «А в чем, собственно говоря, был сговор? Был огромный список приватизируемых предприятий, порядка 800, и каждый говорил, с чем он из этого списка может справиться. Проблема в тот момент была не в деньгах, которые нужно заплатить государству, а в наличии кадрового ресурса. Я бы мог взять намного больше – ограничений не было, пожалуйста. Государству надо было как-то разрешать ситуацию с красными директорами, которые в преддверии выборов взяли и перестали платить зарплаты людям, не говоря уже о налогах. Они [красные директора] все время создавали точки напряжения. В этом была политическая проблема.

Так вот, я прекрасно понимал – уже к тому времени успел кое-чем поруководить, – что ресурсов у моей команды хватит от силы на одно предприятие»¹¹.

При этом он признавался, что в начале нулевых испытывал угрызения совести по поводу нечестной приватизации и даже предлагал принять «закон о компенсационных выплатах»: «Мы смотрели на британский опыт, готовили записку об этом и через премьер-министра Касьянова отправляли ее Путину. Мы тогда предполагали сложить их в Пенсионный фонд и создать за счет этого возможность компенсировать его неизбежный дефицит в будущем». Потом Касьянов рассказывал, и публично, и лично, что до Путина записку донес, но тот сказал: «Сейчас не время»¹².

Так или иначе, Путин воспринял упреки Ходорковского в том, что сравнительно мелкая компания «Северная нефть» была продана с нарушениями, как вывоз. Он помнил, что все крупные предприниматели вовсе не купили свою собственность, а фактически получили ее от государства в подарок. По этой логике по сравнению с залоговыми аукционами любое последующее нарушение просто меркло, поэтому Ходорковский просто не имел морального права публично читать президенту лекцию о вреде коррупции.

Выбор сделан

Тогдашний премьер Михаил Касьянов, сидевший на встрече с РСПП по правую руку от Путина, вспоминает, что после окончания совещания Путин поразил его удивительным точным знанием всех деталей сделки по «Северной нефти», президент начал сыпать цифрами, которых даже премьер не знал. Тогда Касьянов понял, что ситуация намного серьезнее, чем можно было представить.

«Мы не могли предположить, что решение уже принято, что выбор уже сделан, – говорит сейчас Ходорковский, – это единственное, что вызвало удивление». Он считает, что сделка по приобретению «Северной нефти» «Роснефтью» осуществлялась под личным контролем Путина и откат от нее позже пошел на финансирование последующих избирательных кампаний 2003 и 2004 годов.

Впрочем, это сейчас кремлевский скандал 19 февраля 2003 года кажется переломным моментом, но тогда он не произвел на основных действующих лиц особого впечатления. Ходорковский продолжал как ни в чем не бывало заниматься бизнесом и делать громкие заявления.

¹⁰ Ostrovsky A. Father to the Oligarchs // Financial Times. November 13, 2004.

¹¹ Лысова Т. «Ну вы понимаете, что я не буду сидеть тихо?» Интервью с Михаилом Ходорковским, бывшим владельцем нефтяной компании «ЮКОС» // Ведомости. № 3679. 22.09.2014.

¹² Касьянов М., Киселев Е. Без Путина. Политические диалоги с Евгением Киселевым. – М.: Новая газета, 2009.

Во-первых, он активно выступал по поводу готовящейся военной операции в Ираке – призывал Россию поддержать американскую кампанию против Саддама Хусейна с тем, чтобы обеспечить российским нефтяникам долю в послевоенном распределении природных богатств этой страны.

Во-вторых, он вел активные переговоры о слиянии ЮКОСа с «Сибнефтью» Романа Абрамовича, даже больше того – о продаже доли будущей объединенной компании кому-то из американских гигантов: ExxonMobil или Chevron. Словом, Ходорковский оказался в двух шагах от того, чтобы стать совладельцем крупнейшей нефтяной компании мира. Конечно, без согласия Путина реализовать все эти планы было невозможно, говорит он, государство легко могло заблокировать сделку, например, ее могла не одобрить Федеральная антимонопольная служба. Тем не менее государство никаких негативных сигналов не подавало. 22 апреля 2003 года главы ЮКОСа и «Сибнефти» официально объявили о слиянии компаний.

«Мы понимали, что никакой ExxonMobil не потратит \$20 млрд, не получив добро от президента», – говорит Ходорковский. Поэтому они с Абрамовичем сообща вели работу по согласованию сделки с властями: владелец «Сибнефти», как более близкий приятель Путина, согласовывал с ним предстоящее объединение, а глава ЮКОСа занимался согласованием на уровне правительства и Михаила Касьянова.

Спустя пару недель после скандала на РСПП, по воспоминаниям Касьянова, Ходорковский пришел к нему с проектом закона, который закреплял итоги приватизации 1990-х годов и делал невозможным их пересмотр. Согласно этому предложению, владельцы предприятий, приватизированных в 1990-е годы за бесценок, которые в 2000-е годы стоили уже миллиарды, были готовы выплатить государству компенсацию, а взамен получали стопроцентные гарантии неотчуждаемости их прав собственности, а заодно многократную прибавку к капитализации их активов. Ходорковский принес это предложение премьеру от имени всего профсоюза олигархов, на правах его лидера. Инициатива была всем на руку – бюджет получал неожиданные налоговые поступления, а олигархи увеличивали инвестиционную привлекательность своих компаний. Особенно такой закон нужен был Ходорковскому и Абрамовичу, чтобы подороже продать долю своей будущей компании американцам.

Касьянов говорит, что в случае принятия этого закона доход бюджета мог составить \$15–20 млрд. Ему идея Ходорковского понравилась, и он отнес готовый законопроект Путину. Но президент ничего не ответил. Он забрал принесенные ему две страницы текста и оставил их у себя. Больше к этому вопросу они не возвращались.

Операция «Энергия»

Противоборствующая группировка, так называемые «силовики», времени тоже не теряли. Теперь Ходорковский рассказывает, что спецслужбы, по его данным, готовили некую операцию «Энергия», т. е. осуществляли массовый сбор компромата на руководство всех энергетических компаний. Впоследствии появилась информация, говорит Ходорковский, что изначальной целью был обозначен не ЮКОС, а «Альфа-Групп». Но Владимир Путин наезд на эту компанию не одобрил. Во-первых, он еще с начала 1990-х годов был знаком с Петром Авеном и даже был ему многим обязан – именно Авен ввел его в околокремлевскую элиту, в частности познакомил с Борисом Березовским. Во-вторых, «Альфа-Групп» с благословения Путина готовила сделку по слиянию своей компании ТНК с британской BP. Рисковать эпохальным контрактом и своими отношениями с Тони Блэром Путин совсем не собирался.

«Напряжение мы ощущали с весны, но это не было чем-то необычным или представляющим угрозу собственно компании», – говорит Ходорковский. Арест сотрудника службы

безопасности ЮКОСа Алексея Пичугина, к примеру, он не считал чем-то знаковым – решил, что это бытовой конфликт. Уже после ареста Пичугина у него состоялась последняя встреча с Путиным, на которой они с Абрамовичем рассказывали президенту о готовящейся сделке по объединению компаний. Касьянов вспоминает, что на той встрече Путин много язвил. «А зачем вы мне все это рассказываете? – ерничал он. – Ведь даже если мне это не нравится, вы же все равно будете продолжать, да?» На самом деле осуществление сделки без согласия Путина было, конечно, невозможным.

Рубиконом оказался арест Платона Лебедева, партнера Ходорковского и вице-президента ЮКОСа. Его забрали в СИЗО с больничной койки, после этого всем стало ясно, что против ЮКОСа началась серьезная кампания.

СМИ тогда связали ее старт с публикацией загадочного доклада под названием «Государство и олигархия» (или «В России готовится олигархический переворот») ¹³. Его подготовил Совет по национальной стратегии, организация, которая объединяла на тот момент всех крупнейших политологов России, а автором доклада был Станислав Белковский, на тот момент гендиректор Совета.

Доклад, при всей достоверности изложенной в нем фактуры, все же довольно сильно напоминал донос. Вот его ключевые фрагменты:

«... Фактически страна оказалась на пороге ползучего олигархического переворота.

Можно констатировать, что олигархи, завершив первичную приватизацию основных объектов национальной экономики, перешли к своего рода приватизации политико-властного пространства России. В такой ситуации институт президента страны как основа политической системы постсоветской России из гаранта стабильности правящего слоя, каковым он был в 1992–2002 годах, превращается в потенциальную помеху финальной монополизации и возможную угрозу логике олигархической модернизации.

Следует отметить, что, с учетом изложенного, модель функционирования олигархии в России приближается к Венецианской республике XIII–XVIII веков [олигархи играют роль Совета десяти, а избираемый ими (де-факто) президент – роль дожа].

Следует отметить также, что семьи большинства олигархов постоянно живут за пределами России, за рубежом обучаются их наследники. Много указывает на то, что большинство олигархов не связывают личные и семейные стратегические интересы с Россией как геополитической и этнокультурной сущностью.

Продолжение масштабного вывоза капитала за пределы России объясняется не только особенностями инвестиционного климата страны, но и базовыми представлениями олигархии о личной/фамильной (семейной) стратегии. Эта стратегия обычно связана с Западом и почти никогда – с Россией.

Важными элементами олигархической ценностной системы являются:

- гедонизм;
- культ денег как орудия власти;
- нарочитое пренебрежение к людям, находящимся вне олигархических корпораций, к их жизненно важным интересам».

Далее автор доклада переходит к конкретике, прямо называя потенциальных заговорщиков: собственники ФПГ «Русский алюминий» в сотрудничестве с НК ЮКОС и консорциумом «Альфа-Групп», т. е. фактически четыре богатейших человека в стране – Роман Абрамович, Олег Дерипаска, Михаил Ходорковский и Михаил Фридман. По словам автора доклада, они «опираются на эксклюзивные политико-административные ресурсы, включая,

¹³ «Государство и олигархия» («В России готовится олигархический переворот»), доклад Совета национальной стратегии.

но не ограничиваясь этим, особое влияние на председателя правительства М. Касьянова и руководителя Администрации президента РФ А. Волошина».

Однако в итоге доклад называл лидером заговорщиков именно Михаила Ходорковского: «Объединяя административный ресурс акционеров “Сибнефти”, известных своими лоббистскими возможностями и неформальным контролем над рядом властных структур, Михаил Ходорковский может преследовать достаточно амбициозные долгосрочные задачи. В последнее время многие наблюдатели сходятся во мнении о предстоящей политической карьере Ходорковского. Об этом косвенно свидетельствует финансирование ЮКОСом большинства партий, претендующих на места в Государственной думе».

Конец доклада превращается в совсем уже очевидное запугивание президента:

«...Капитулянтское государство, прикрываясь либеральной риторикой, сегодня не исполняет даже функций “ночного сторожа”, но расчищает дорогу для усиления всевластия и влияния олигархов, реализации доктрины “финальной монополизации” и концентрации в руках олигархов всех рычагов политической власти.

...Поскольку институт президента, с точки зрения правящего слоя, выполнил свою историческую миссию и потому более не нужен (в будущем – скорее опасен, в силу чрезвычайно широких формальных полномочий главы государства, потенциально позволяющих корректировать базовую философию и технологию власти), а также – поскольку олигархи как физические лица не располагают публичным политическим ресурсом для победы на прямых общенациональных выборах, ключевой субъект правящего слоя принял решение ограничить полномочия президента РФ и трансформировать Россию из президентской республики в президентско-парламентскую (квазифранцузская модель). Основным идеологом подобной трансформации выступает глава НК ЮКОС (“ЮкосСибнефть”) Михаил Ходорковский, его явно и неявно поддерживают другие ключевые фигуры олигархического пула (Р. Абрамович, О. Дерипаска, М. Фридман).

Согласно проекту ключевого субъекта правящего слоя, уже в 2004 году может быть сформировано новое правительство РФ, подконтрольное и подотчетное парламенту. Приоритетным кандидатом на роль председателя такого правительства, образованного в соответствии с новой конституцией, считается Михаил Ходорковский... Вполне очевидно, что сход с траектории “олигархической модернизации” в ближайшей перспективе отнюдь не гарантирован, это лишь исторический шанс для России, но этим шансом необходимо воспользоваться».

Доклад был опубликован в мае 2003 года и вскоре, как утверждали СМИ, попал на стол Владимира Путина. Его туда положил замглавы администрации и неформальный лидер силовиков Игорь Сечин. Более того, независимые СМИ в 2003 году утверждали, что сам доклад был написан по заказу главы компании «Роснефть» Сергея Богданчикова (считавшегося в тот момент «кошельком» силовиков).

Сейчас Белковский утверждает, что никакого заказчика у доклада не было, фактура, изложенная в нем, хоть и провокационна по форме, но все же правдива. Инициаторами шумихи вокруг доклада Белковский называет руководителей ЮКОСа, в первую очередь зама Ходорковского по идеологии Леонида Невзлина: «ЮКОС сам раскрутил этот доклад и привлек к нему внимание. Они были уверены, что поймали бога за бороду – думали, что, если прикинутся “политическими”, их точно никто не тронет».

По словам Белковского, на Путина произвел впечатление вовсе не научный доклад про «олигархический переворот», а распечатки прослушек телефонных разговоров Ходорковского, которые также принес ему Сечин: «Не учли тотальной прослушки. Недоценивали степень утечки всего, что они делают. Став кумиром либеральной интеллигенции, Ходорковский все время вел разговоры о том, какое Путин ничтожество, не задумываясь, что этот самый Путин все эти разговоры может прочесть».

Помимо разговоров о грядущей смене конституции и перспективах возглавить правительство (которые Ходорковский подтверждает), ходят легенды еще об одном обвинении, которое в адрес Ходорковского якобы выдвинул Сечин и которое произвело впечатление на Путина. В донесениях, которые легли на стол президенту, говорилось, что в ходе переговоров о предстоящей сделке с Chevron или ExxonMobil Ходорковский якобы говорил с Кондолизой Райс и пообещал ей, что, возглавив Россию, откажется от ядерного оружия. Ходорковский утверждает, что подобных переговоров никогда не вел. Впрочем, это уже не важно. Важно, что Путин, очевидно, этой информации поверил.

Миссия выполнена

После ареста Платона Лебедева стало очевидно, что власть предлагает Михаилу Ходорковскому отправиться вслед за Борисом Березовским и Владимиром Гусинским: в эмиграцию. Однако Ходорковский никуда не уехал, а наоборот, отправился в турне по России. Его арестовали в октябре в аэропорту Новосибирска.

Станислав Белковский считает, что Ходорковский был уверен, что его не посадят, так как полагал, что его прикрывают Волошин и Касьянов. А Волошин не смог его прикрыть, так как не ожидал, что Ходорковского могут посадить. «Он думал, что Путин сначала как минимум позовет его посоветоваться, – говорит Белковский. – Волошин думал, что Ходорковского не посадят, потому что это уже перебор. А Путин решил: ничего страшного, переберем».

У многих в Кремле в тот момент был шок – руководство администрации президента узнало об аресте Ходорковского из новостей. В тот день ультралиберальный советник президента по экономике Андрей Илларионов встретил в коридоре замглавы администрации Владислава Суркова, который начинал охранником, а потом пиарщиком Ходорковского, прежде чем ушел из МЕНАТЕПа и оказался в Кремле. «Слава! И что же теперь делать? – спросил шокированный Илларионов. – Что же ты теперь будешь делать?»

«Знаешь, Андрюша, – улыбнулся Сурков, – нет пределов человеческой гибкости».

Его начальник Александр Волошин окажется недостаточно гибким: он подаст в отставку 30 октября 2003 года, спустя пять дней после ареста Ходорковского. Вскоре после этого именно Сурков станет новым главным идеологом Кремля.

«В принципе Волошин мог остаться, Путин не требовал его отставки, но это означало бы, что Волошин с Абрамовичем специально все подстроили, чтобы отобрать у Ходорковского ЮКОС», – говорит Белковский.

Сам Белковский, кстати, в декабре 2003 года перестал быть гендиректором Совета по национальной стратегии и сконцентрировался на консультировании Бориса Березовского. Позже он работал советником и Михаила Ходорковского и советует ему до настоящего времени, когда уже освободившийся из тюрьмы Ходорковский переехал в Швейцарию. Иначе говоря, обиды за доклад «Государство и олигархия» глава ЮКОСа не затаил.

Волошин сейчас предпочитает о своей отставке говорить более философски.

«Было ощущение, что драйв потерялся. В первые годы у власти мы сделали много полезных вещей: плоская шкала налогов, частная собственность на землю, другие реформы. Все постоянно двигались, двигались. Я понимал, на что я трачу дни и годы своей жизни. Я думал, что страну продвигаю. Потому что со всех других точек зрения время в Кремле – это годы, выброшенные из жизни. Ты совершенно не видишь детей. Ни одной прочитанной книжки – почти за пять лет. Вообще-то это не жизнь. Надо быть сильно больным человеком, чтобы это нравилось. Или надо уметь себя по частям резать – есть люди, у которых это получается. Я так не мог, я там был целиком».

Сейчас Волошин говорит, что выполнил свою миссию – перевод страны «от периода перманентной революции, который был в 1990-е годы, к эволюционному развитию». «1990-е годы были временем возможностей для интеллигенции, креативного класса, но вообще-то для всех людей они были очень тяжелыми. Правила игры постоянно менялись. Главной задачей для всех было – выживать. Люди не вращались в новую жизнь, а мучились в судорогах. Переход к эволюционному периоду все перевернул – с белого на черное, с черного на белое. И свобода, и рыночная экономика в России далеки от совершенства, но они есть, критическая масса достигнута, и этого хватит. За это приходится расплачиваться менее комфортной жизнью для интеллигенции и креативного класса. Но всем остальным – хорошо. Налицо более стабильная политическая и экономическая ситуация».

Год спустя Ходорковского приговорили к восьми годам тюремного заключения. В 2010 году завершился процесс по второму делу, и срок увеличили до 14 лет. Однако в 2014 году бизнесмена помиловали и выпустили на свободу.

Семья исчезает

Дело ЮКОСа стало таким землетрясением, которое полностью изменило расклад сил в российской политике. Семья президента Ельцина – или то, что было принято считать ею, – самоустранилась. Последний влиятельный и близкий к Владимиру Путину игрок из этого лагеря, Роман Абрамович, купил футбольный клуб «Челси» и перебрался жить в Англию. Сделка по объединению «Сибнефти» с ЮКОСом была сорвана, но Абрамович ни разу публично не высказал сожаления по этому поводу – спустя два года он продаст «Сибнефть» «Газпрому» по цене, в полтора раза превышающей рыночную оценку. Перед этим он продаст почти все остальные свои активы в России: доли в «Аэрофлоте», «Русском алюминии», «Иркутскэнерго», Красноярской ГЭС, «РусПромАвто».

Важнейший политический клан, который руководил страной в течение предыдущего десятилетия, исчез, как в те же дни исчезло все прежнее руководство Ирака при появлении американских танков под Багдадом: и семья Саддама Хусейна, и функционеры партии «Баас» просто растворились в воздухе. Точно так же та могущественная сила, которая считалась основой политического режима в России, бежала с поля боя после первого удара даже не по ней, а по почти никак не связанному с ней Михаилу Ходорковскому. План использовать ЮКОС в борьбе с силовиками провалился, и Семья тут же капитулировала, сделав вид, что даже не собиралась бороться.

Единственным эпизодом сопротивления можно считать разве что контрдокумент, опубликованный в «Новой газете» и на нескольких интернет-ресурсах. Его написал известнейший политтехнолог того времени Глеб Павловский, и он был ответом на доклад Станислава Белковского. Доклад назывался «О негативных последствиях “Летнего наступления” оппозиционного курсу президента РФ меньшинства».

Меньшинством называлась как раз группа силовиков (в докладе упоминались Игорь Сечин, генпрокурор Владимир Устинов, Виктор Иванов, бизнесмены Пугачев и Богданчиков). Автор доклада утверждал, что эта группа – не что иное, как «новая системная оппозиция, фактически создавшая параллельный центр власти и пытающаяся провести коррекцию курса Президента изнутри, опираясь на поддержку части силовых структур государства под флагом поддержки и усиления “слабого” Президента».

Доклад не повлек почти никаких последствий для самой группы силовиков – по крайней мере, почти три года они оставались всесильны. Зато имел самые неприятные последствия для автора – он проиграл в суде \$1 млн Сергею Пугачеву, который обвинял его в клевете.

Впрочем, одну часть того доклада можно считать пророческой. Вот как Глеб Павловский описывал в 2003 году цели, которые ставила перед собой «силовая группа»:

«Во-первых, формирование нового типа бизнеса, заданного “делом ЮКОСа”: полностью лояльного к новым хозяевам, определяющим кадровую и экономическую политику. Неповиновение будет подавляться за счет силового воздействия. Сам бизнес может оставаться частным, но роль государства в управлении им должна быть высокой.

Во-вторых, создание сильных государственных монополий или холдингов с государственным участием в большинстве привлекательных секторов экономики.

В-третьих, решение задачи роста экономики через перераспределение ресурсов и собственности в топливно-сырьевом и других секторах экономики, введением “ресурсной ренты”, созданием государственных монополий (в том числе возвратом госмонополии на выпуск винно-водочной продукции) и ужесточением контроля за функционированием бизнеса.

В-четвертых, резкое усиление силового компонента власти, превращением силовиков в главную и, по сути, единственную опору президента. Активизация силового вмешательства в политику, начиная от выборов всех уровней и заканчивая контролем частной жизни.

В-пятых, формирование новой “левопопулистской” идеологической платформы власти, опирающейся на упрощенное и превращенное в идеологию православие, ориентацию на “массы бюджетников” и антиолигархически настроенный средний и малый бизнес¹⁴.

Пророчество сбывалось долго – пятый пункт, к примеру, был реализован только через десять лет.

Последний член Семьи

Тектонический сдвиг в Кремле не мог не отразиться на публичной политике, тем более что на декабрь 2003 года были назначены думские выборы. Партия власти «Единая Россия», сложенная из двух частей – «Единства» и «Отечества», впервые шла на выборы в качестве фаворита. Коммунистическая партия, занимавшая первое место на всех выборах по партпискам в России на протяжении почти десятилетия, впервые должна была эти выборы проиграть, а все потому, что ненавидящий коммунистов Волошин перед отставкой создал коммунистам дублеров – искусственный популистский с уклоном в национализм блок «Родина». Это синтетическое объединение должно было пройти в парламент и отобрать у коммунистов значительную часть их электората.

Наконец, либеральные партии «Яблоко» и «Союз правых сил» были полностью деморализованы и не готовы к выборам. С одной стороны, ЮКОС перестал их финансировать как раз в тот момент, когда началась избирательная кампания. С другой – они так и не сформулировали свой посыл избирателям, не рискнули публично заступиться за Ходорковского. Федеральные телеканалы преподносили дело ЮКОСа как борьбу Путина с разграбившими страну олигархами, и эта идея оказалась довольно популярной среди населения. Идти против общественного мнения, защищать интересы бизнеса или хотя бы выказывать обеспокоенность мелких предпринимателей партии не стали.

Впрочем, исчезновение либеральной группы из Кремля и не могло сопровождаться сохранением позиций либералов в парламенте – и «Яблоко», и «Союз правых сил» не преодолели пятипроцентный барьер и остались за бортом Думы. Обновленная кремлевская администрация даже не мешала им – просто не стала помогать и накручивать голоса в их пользу. Все усилия были брошены исключительно на то, чтобы помочь «Единой России».

¹⁴ Павловский Г. О негативных последствиях «летнего наступления» оппозиционного курсу президента РФ меньшинства // Новая газета. № 67. 02.09.2013.

Но разгром остатков Семьи на этом не закончился. Более того, не закончился поиск заговорщиков. Тем более что во власти оставался еще как минимум один влиятельный человек, который не был креатурой Владимира Путина, а был скорее навязан ему, – премьер-министр Михаил Касьянов.

На новогодние каникулы глава правительства улетел отдыхать – кататься на лыжах в Австрию. Его пригласил к себе в гости австрийский канцлер Шлюссель, и они провели некоторое время вместе. Еще туда же на один день – покататься и поговорить – прилетал лидер проигравшей партии «Союз правых сил» Борис Немцов. Он уговаривал Касьянова возглавить партию, но тот, подумав, отказался.

Пока Касьянов катался, на стол Путина ложились новые донесения. Они свидетельствовали, что Касьянов является ключевой фигурой заговора с целью свержения Путина – именно его детали он и обсуждает с канцлером Шлюсселем.

Суть заговора такова: в марте 2004 года должны состояться президентские выборы. Однако они могут быть сорваны, если явка составит меньше 50 %. Как их сорвать? Убедить всех кандидатов снять свои кандидатуры. Среди распечаток, которые приносили Путину, по словам Касьянова, были и стенограммы его разговоров с Немцовым, якобы имевших место, но на самом деле абсолютно вымышленных. Согласно этим расшифровкам, Касьянов и Немцов говорили, что все соперники Путина: и коммунист Харитонов, и статист Малышкин, и социалист Глазьев, и либералка Хакамада выйдут из гонки, в бюллетене останутся только Путин и его дублер, спикер Совета Федерации Сергей Миронов, избиратели потеряют интерес к выборам и «проголосуют ногами». Дальнейший ход событий очевиден: новый тур выборов назначается на июнь, между тем полномочия Путина истекают 6 мая. Это значит, что исполняющим обязанности президента по конституции становится премьер-министр Касьянов. И перед выборами вся полнота власти оказывается в его руках.

Касьянов о существовании подобного заговора не подозревал, а в администрации президента уже полным ходом шла работа по борьбе с ним. В Кремль вызвали 66-летнего Виктора Геращенко, бывшего многолетнего председателя Центробанка, такого российского Алана Гринспена, престарелого харизматика, который только что избрался в Думу по спискам популистского блока «Родина». «Виктор Владимирович, мы очень просим вас выдвинуться в президенты», – сказали ему. Он всячески отказывался, говоря, что это очень трудоемкое и совершенно ненужное ему дело, но в ответ слышал: «Нет, вы не понимаете, мы вас очень просим». Геращенко выдвинулся, возможно, даже не подозревая, что его используют, чтобы придать выборам дополнительной интриги и не допустить их срыва.

Когда Касьянов вернулся из отпуска, то не сразу понял, что случилось. Он вспоминает, что на приеме по случаю Дня Российской армии 23 февраля Путин вел себя очень странно – ни с кем не общался, а в углу шептался о чем-то с директором ФСБ Николаем Патрушевым.

На следующий день Путин вызвал Касьянова в Кремль и объявил, что решил воспользоваться своим конституционным правом и принял решение отправить в отставку премьер-министра. Касьянов вспоминает, что Путин, видимо, нервничал, поэтому перепутал – и Касьянов его поправил: «Вы не можете отправить в отставку премьер-министра, вы можете только все правительство целиком»¹⁵.

Тогда же Путин поведал Касьянову, что все знает о заговоре. Касьянов выразил искреннее удивление, после чего Путин даже предложил уже бывшему премьеру пост секретаря Совета безопасности. Касьянов отказался.

Он ушел в отставку тихо, не делая никаких заявлений, и хранил молчание несколько лет. Все это время власть была к нему абсолютно толерантна, как и к другим ставленникам Семьи.

¹⁵ Касьянов М., Киселев Е. Указ соч.

Вернуться в политику Касьянов попытался только ближе к президентским выборам 2008 года – и провалился. Вернее, был разгромлен. Все федеральные СМИ вспомнили старую, запущенную еще Гусинским легенду о том, что Касьянов от всех визируемых им сделок брал себе откат 2 %, чем и заслужил прозвище «Миша 2 %». Касьянова не зарегистрировали кандидатом, а его рейтинг никогда не превышал 2 %.

Разгром Касьянова и недопущение его во власть стали уже не столько борьбой с остатками Семьи, сколько психотерапевтической борьбой со следующим главным страхом Владимира Путина. Напоминанием о его главном поражении – «оранжевой революции». Стремлением не допустить ее повторения в России и не позволить Михаилу Касьянову стать Виктором Ющенко.

Часть II

Путин II Великолепный

Глава 4

В которой глава кремлевской администрации Дмитрий Медведев создал новое российское сословие

Дмитрий Медведев производит очень необычное для политика впечатление – он кажется хорошим человеком. По нему видно, что он не очень уверен в себе, – особенно это заметно по тому, что он старается произвести впечатление человека, который уверен в себе. При этом он точно умеет слушать и даже любит советоваться: например, может спросить у журналистов перед телеинтервью, какого цвета галстук ему надеть. Или лучше вообще без галстука?

Дмитрий Медведев начинал свою карьеру как преподаватель – в нем до сих пор много от молодого учителя, который заходит в класс, не уверенный, как его воспримет аудитория, поэтому старается быть более взрослым, более серьезным, а иногда, наоборот, говорить на молодежном сленге. Он вроде уже привык быть не в своей тарелке. Даже когда он показывает своего кота или рассказывает про учебу своего сына, видно, как он старается произвести правильное впечатление.

Иногда Медведев вообще походит на прилежного студента. Когда он говорит вещи, с которыми совершенно не согласен – но должность обязывает, в нем появляется что-то от отличника, который выучил свой урок наизусть. И может его отлично пересказать, даже сымпровизировать, хотя сама тема ему глубоко неприятна и противна.

Дмитрий Медведев, конечно, никогда не планировал стать политиком. Он в политику попал случайно. Может, даже против воли. Но он отличник. Поэтому приходится терпеть и чувствовать себя не в своей тарелке. И, кажется, он верит в то, что может всех пере-терпеть.

Дима

Приняв отставку Александра Волошина, президент Путин назначил новым главой администрации президента его первого заместителя – Дмитрия Медведева. Совершенно неизвестного публике чиновника, у которого в послужном списке было только то, что он приехал из Петербурга, а потом в 2000 году возглавлял предвыборный штаб Владимира Путина на президентских выборах. При этом все знали, что тот предвыборный штаб был только формальностью и реально ничего не делал (ведь классической предвыборной кампании Путин не вел: в дебатах не участвовал, наружной рекламы не расклеивал). Настоящую предвыборную кампанию Путина вела администрация президента во главе с Волошиным: именно Кремль раздавал указания федеральным телеканалам, Кремль организовывал все предвыборные поездки Путина, которые при этом назывались вовсе не предвыборными, а рабочими поездками премьер-министра.

Наследство Медведеву осталось очень мощное, с 1999 года так повелось, что именно администрация президента являлась основным центром силы в государстве. По сути, став главой кремлевской администрации, Дмитрий Медведев оказался самым влиятельным чиновником в России, ведь помимо этого он занимал еще одну важнейшую должность –

с 2000 года он возглавлял совет директоров компании «Газпром». Но, возможно, именно поэтому Медведев и занял две эти ключевые должности – он еще несколько лет оставался совершенно незаметен, не тянул одеяло на себя, не набирал никакого политического веса – до тех пор, пока не получил от Путина следующее предложение.

О том, что Медведев является «официальным преемником» Волошина и после него возглавит администрацию, сам Путин объявил еще до того, как стал президентом. Он говорил об этом еще в марте 2000 года в книге «От первого лица». Эта официальная биография вышла как раз перед выборами, состояла она из интервью, которые взяли у Путина три журналиста из «Коммерсанта» (лучшей газеты страны, принадлежавшей Березовскому): Наталья Тимакова, Наталья Геворкян и Андрей Колесников. (По иронии судьбы, почти сразу после выхода книги пути журналистов разошлись в противоположные стороны. Тимакова ушла работать в Кремль, чтобы впоследствии стать пресс-секретарем и правой рукой Дмитрия Медведева, Наталья Геворкян уехала жить в Париж, чтобы через 15 лет стать медиасоветником и правой рукой Михаила Ходорковского, а Андрей Колесников остался в «Коммерсанте» и остался верен Путину: стал его ежедневным биографом в качестве «пристегнутого» к Путину корреспондента.)

Вот небольшой фрагмент из их книги, в котором Путин перечислял самых близких и доверенных людей:

«– К чьим предложениям вы прислушиваетесь, кому доверяете? Вот вы говорили, что ваши технологи в качестве задачи на первый год ставят формирование команды. Кто в вашей команде? Кому вы доверяете?»

– Доверяю? Сергею Иванову, секретарю Совета безопасности.

– Вы давно знакомы?

– Давно, но не очень близко. Он начинал работать в Ленинградском управлении КГБ. Я тогда просто знал, что есть такой человек. Потом он уехал в Москву и так здесь и остался. Был в нескольких длительных заграничных командировках, по несколько лет. У нас было много общих друзей. В общем, информация о нем была с разных сторон, положительная информация. Знает несколько языков: английский, шведский и финский, по-моему. Я считаю, что он вполне на своем месте. Недавно вернулся из Штатов, очень хорошо поработал. Он встречался с Клинтоном, Олбрайт, Бергером. Я доволен его работой.

– Но вы же еще ни с кем не съели пуд соли.

– Конечно, лучше, если есть возможность в чем-то убедиться на практике. Но давайте согласимся, что есть еще такое понятие, как чувство локтя. Вот с Ивановым такое чувство возникает. И с Николаем Патрушевым тоже, и с Димой Медведевым.

– Медведев возглавляет ваш предвыборный штаб. Он же тоже питерский?

– Он работал на кафедре гражданского права в Ленинградском университете, кандидат юридических наук, эксперт хорошего уровня. Во время работы с Собчаком мне там, в аппарате мэрии, нужны были люди. Я пришел за помощью к юрфаковцам, и они мне предложили Диму. Когда я был заместителем мэра, он был у меня советником, работал года полтора. А потом, после тех неудачных выборов, он, естественно, через какое-то время ушел из мэрии и вернулся в университет.

– Вы его недавно пригласили в Москву?

– Совсем недавно, в этом году. Вообще-то у меня идея была насчет Димы другая. Я хотел, чтобы он возглавил Федеральную комиссию по ценным бумагам. Он специалист по рынку ценных бумаг. Ему вроде бы работать в нашей команде нравится, а где конкретно – посмотрим.

– Еще кто?

– Я Алексею Кудрину доверяю. Он сейчас первый замминистра финансов. Считаю, что он парень порядочный и профессиональный. Мы вместе работали у Собчака, оба были его заместителями. За годы совместной работы можно было человека узнать как следует.

– А Игорь Сечин откуда появился?

– Сечин тоже работал у нас в Петербурге, в протокольном отделе. Он филолог по образованию. Знает португальский, французский и испанский языки. Работал за границей – в Мозамбике и Анголе.

– Воевал?

– В общем, воевал. Потом попал в исполком Ленсовета. Когда я стал заместителем мэра и набирал свой аппарат, многих пересмотрел, и Сечин мне понравился. Предложил ему перейти ко мне на работу. Это было году в 92–93-м. А когда поехал работать в Москву, он попросился со мной. Я его взял.

– А что же будет со старой-то гвардией в Кремле, с камарильей? Все говорят: подождите, вот Путин выиграет выборы и от них освободится. В лучшем случае уволит.

– Вы знаете, такая логика характерна для людей как раз с тоталитарным мышлением. Потому что так, по идее, должен был бы поступить человек, который хочет остаться на этом месте на всю жизнь. А я не хочу.

– Но есть какие-то фигуры, которые воспринимаются как общественные аллергены. Мы говорили о Павле Бородине. Вот еще глава администрации президента Александр Волошин. Не любим общественностью.

– Волошин не любим не столько общественностью, сколько частью истеблишмента. Есть негатив, возникший на уровне группировок и кланов, которые боролись между собой. Досталось и Волошину. Боролись, между прочим, негодными средствами. Я не считаю, что это – основание увольнять кого-то. На сегодняшний день он меня более чем устраивает. Работа, которой занимается Волошин, довольно тонкая. Мы с ним вместе обсуждали, кого можно было бы поставить на его место, говорили про Диму Медведева. Волошин сам сказал: «Пусть замом Дима поработает, потом, может быть, вырастет и будет вариант на мою замену». Сейчас загадывать нет смысла¹⁶.

Оказалось, что Путин как заранее знал – все так и вышло, как он предсказывал в 1999 году. Действительно, все перечисленные товарищи занимали ключевые посты вокруг Путина. Но и журналисты оказались правы – питерское окружение не скрывало своего восторга, когда в отставку подал «семейный» глава администрации Волошин. «Все, Византия закончилась!» – провозгласил в интервью газете *«Коммерсантъ»* министр финансов Алексей Кудрин, комментируя новость об отставке Волошина.

Новый хозяин администрации, Медведев, полная противоположность своему предшественнику, действительно совершенно не походил на византийца. Скорее на идеального гоголевского чиновника. Он (через несколько месяцев после назначения) предложил Путину новую структуру администрации: фактически она ничем не отличалась от старой, все прежние чиновники сохраняли свои места и функционал, менялись только их названия. Первых заместителей главы администрации больше не было. Обычных заместителей было два: Сечин и Сурков. Остальные заместители переименовывались в «помощников президента».

Журналистам Медведев (возможно, в шутку) объяснял это преобразование тем, что так иностранцам понятнее, кто чем занимается в администрации. «Это гораздо красивее. Я выезжаю за границу. Иногда это бывает. Не часто. И вот как замглавы администрации приезжал, например, в Америку – и никакого впечатления не мог произвести там на людей, которые командуют, для примера, скрепками. Они понимают, что такое помощник. У них руководи-

¹⁶ Геворкян Н., Колесников А., Тимакова Н. От первого лица: Разговоры с Владимиром Путиным. – Вагриус, 2000.

тель аппарата Белого дома Эндрю Кард – помощник президента. Но вот и у нас теперь все нормально»¹⁷.

Но главное достижение Медведева на новом посту заключалось в том, что он добился принятия закона «О государственной гражданской службе», который сам же и написал. Этот закон, по сути, был повторением административной реформы, произведенной в России императором Петром I в начале XVIII века, который ввел Табель о рангах для госслужащих. Медведев, по сути, эту табель о рангах воссоздал, только теперь вместо «тайных советников» и «статских советников» возникли «действительные государственные советники 1, 2 и 3 классов». Более того, главный чиновник России Медведев часто говорил о том, что в России госаппарат вовсе не раздут и не нуждается в сокращении – напротив, по сравнению с другими странами у нас даже дефицит профессиональных чиновников.

Это пожелание Медведева вскоре осуществилось. Следующее десятилетие стало золотым для российских госслужащих. Их число выросло в три с половиной раза. А насколько выросло благосостояние – можно только гадать. В 2003 году российские чиновники были еще бесхитростными и не слишком коррумпированными, если этот эпитет вообще применим к российским чиновникам. Они могли оказывать невероятные преференции дружественным бизнесменам в обмен на довольно скромные знаки внимания. Например, распространенным видом взятки был вывоз чиновника с семьей на отдых за границу. Предприниматели организовывали заграничный досуг крупнейших госслужащих и их семей (это обходилось им максимум в несколько тысяч долларов), а взамен получали контракты стоимостью в миллионы.

Подобная близость чиновников и бизнесменов даже не считалась конфликтом интересов: к примеру, все знали, что Владимир Ресин, вице-мэр Москвы, курирующий стройки, вместе с семьей жил в Монако в одном роскошном люксе с крупнейшим девелопером Шалвой Чигиринским. И никого это не смущало.

Лишь спустя лет пять чиновники распробуют вкус роскоши, поймут, как много они по-настоящему стоят, и осознают, что не стоит брать подачки от миллиардеров, если можно стать миллиардерами самим. Но в начале нулевых эта революционная мысль просто не приходила им в голову.

Идеальный кандидат

Основной задачей Медведева в качестве главы администрации стало переизбрание Путина на второй срок. В первый раз он был главой предвыборного штаба, теперь возглавлял реальный штаб – Кремль. Реальным политтехнологом, который вел предвыборную кампанию, впрочем, был первый зам Медведева, доставшийся ему еще в наследство от Волошина, – Владислав Сурков.

На первый взгляд выборы были чистой формальностью: Путин побеждал легко и уверенно. Но на самом деле интрига заключалась в другом: с окончанием первого срока (и «дела ЮКОСа») и началом второго срока старая ельцинская гвардия окончательно уступала место новой путинской. «Ленинградский клан», как называли бы его в советские годы, или «питерские», как звала их тогда пресса, обретали настоящую власть, они окончательно выходили из тени после четырех лет «стажировки».

«Спасибо, что показали нам, как управлять страной. Теперь мы можем сами» – такую фразу, якобы произнесенную помощником Путина Игорем Сечиным, вспоминает бывший премьер-министр Михаил Касьянов. По его словам, именно так Сечин провожал его из Белого дома после того, как Путин сообщил премьеру о неожиданной отставке.

¹⁷ Колесников А. Кремлевские измельчали // Коммерсантъ. № 54. 26.03.2004.

Накануне объявления нового премьера в это кресло прочили и министра финансов Алексея Кудрина, и министра обороны Сергея Иванова, и даже главу предвыборного штаба Путина Дмитрия Козака. Но Путин сделал странный выбор – он обошел всех близких себе людей, всех выходцев из «питерского клана» и сделал ставку на абсолютно чужого и мало-знакомому человека.

Премьером стал Михаил Фрадков, безликий чиновник из ниоткуда, но с большим опытом аппаратной работы в правительстве. Фрадков служил в органах (хотя в его официальной биографии этот пункт отсутствует), был министром внешнеэкономических связей и торговли в нескольких правительствах при Ельцине, возглавлял налоговую полицию в первые годы Путина, а в 2003 году был отправлен послом в Брюссель. Оттуда его неожиданно и вытащил Путин, к общему изумлению всей политической элиты. Никаких преимуществ, кроме того, что он был абсолютно неопасен для Путина.

Путин знал Фрадкова еще с начала 1990-х годов: тот был его фактическим начальником. В тот момент, когда будущий президент возглавлял Комитет по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга, будущий премьер работал замминистра внешнеэкономических связей России. Однако определяющим моментом для назначения Фрадкова стал разговор, который Путин позже пересказывал журналистам.

В начале 2003 года Кремль осуществлял перестановку в рядах силовиков и решил ликвидировать сразу три мощных ведомства: ФАПСИ (агентство, осуществлявшее секретную правительственную связь), Федеральную пограничную службу и налоговую полицию. Функции ФАПСИ и погранслужбы переходили ФСБ, а борьба с налоговыми преступлениями отходила МВД. Руководители закрываемых ведомств по-разному отреагировали на известие о своем увольнении (притом, что все получили новые назначения): кто-то даже пытался спорить с Путиным. И лишь Фрадков удивил Путина.

«Михаил Ефимович! Забудьте, что вы руководитель, и скажите, вот если действовать из интересов государства, то, как вы считаете, возможна передача ваших функций в МВД? Только по-честному», – спросил президент. И тот прямо сказал, что так будет, конечно, эффективнее. И добавил, что надеется, что «при любых решениях люди не пострадают». Готовность к самопожертвованию по воле начальника Путин оценил. Фрадкова отправили в самую почетную ссылку: послом при Евросоюзе, в Брюссель. Но главное – Путин запомнил его как человека исключительной лояльности.

«Я легко могу себе представить, как рассуждал Путин, когда выбирал Фрадкова премьером, – рассказывал бывший высокопоставленный сотрудник Кремля, – у него одни плюсы и никаких минусов. Имеет опыт работы во всех сферах: и в силовых органах, возглавлял налоговую полицию, и в экономике, был министром внешнеэкономических связей, и на международной арене, был послом в Брюсселе. И нигде не зазнался».

Став премьером, Фрадков в точности скопировал реформу, которую провел в администрации президента Дмитрий Медведев, – произвел арифметическое уменьшение числа руководителей при увеличении общей структуры. Вместо шести вице-премьеров остался только один, а вместо 23 министров – 14, зато под каждым министерством выросло несколько федеральных агентств.

Чем больше рос госаппарат, тем меньше было результатов его деятельности. Волошин и Касьянов говорят, что в конце их пребывания во власти реформы практически остановились, однако именно с приходом Фрадкова начались сосредоточенный дрейф и исключительная имитация бурной деятельности. Фрадков осознавал, что именно в этом и есть его предназначение – он не имел возможности проявить каких-либо амбиций, не должен был перейти кому-либо дорогу.

Парадоксально, но официальный экономический курс, провозглашенный Путиным перед переизбранием на второй срок, был максимально амбициозным – президент требовал,

чтобы к 2010 году в стране был удвоен ВВП. Министр экономического развития Греф, архитектор путинских реформ, вяло сопротивлялся, утверждая, что к 2010 году успеть невозможно, разве что к 2015-му. А вот премьер-министр президенту не перечил и уверял, что все будет сделано. В коридорах Белого дома тогда существовало такое объяснение беспечности Фрадкова: «За плохую работу не увольняют – увольняют за нелояльность». Поэтому Фрадков был абсолютно спокоен и не боялся не выполнить предписание президента. В конце концов, он не преуспел ни на одном из предыдущих постов, почти все ведомства, в которых он работал, расформировывали за ненадобностью. И все же именно этим путем он пришел к успеху.

Удвоение ВВП

Президентские выборы 2004 года прошли без сбоев, Путин получил 71 % голосов. И в тот момент, когда шел подсчет, в самом центре Москвы, прямо напротив Кремля, загорелось историческое здание Манежа – самого центрального выставочного зала столицы. Пожарище у стен Кремля производило мрачное впечатление на зрителей, которые следили за результатами голосования. Здание было возведено в 1817 году по приказу императора Александра I в честь пятилетия победы над Наполеоном. А в пятилетие правления Владимира Путина сгорело. Покидая свой штаб, Путин вместе с журналистами поднялся на одну из башен Кремля, чтобы понаблюдать за пожаром.

В ходе тушения погибли двое пожарных. Причины возгорания остались невыясненными, все указывало на поджог. В правительственных кабинетах шептались, что Манеж, скорее всего, подожгли в интересах мэра Москвы Юрия Лужкова, чтобы тот мог разрешить конфликт с инвесторами. Любопытно, что сам Лужков приехал на место пожара в считанные минуты и с ходу заявил журналистам, что версия поджога исключена.

Журналисты как один шептались про плохое предзнаменование. Но Путин, говорят, даже не злился. Задача была выполнена, выборы позади, все остальное – мелочи. Наказывать Юрия Лужкова, своего бывшего главного противника, за то, что тот испортил ему праздник, Путин не стал. Лужков обеспечил Путину приличный результат в Москве – 69 %, и это главное.

Самый лучший результат Путин получил в Чечне. Новый чеченский лидер Ахмат Кадыров, бывший муфтий республики, в 1990 году объявлявший джихад русским, а в 1999 году вставший на сторону Путина, обеспечил 92,4 % голосов. Это было символом эффективности первого срока Путина: война в Чечне, которая привела его в Кремль четыре года назад, закончилась.

Через день после инаугурации Путина, 9 мая 2004 года, во время празднования Дня Победы в чеченской столице прогремел взрыв. Бомба была заложена под трибуной, на которой сидел президент Чечни Ахмат Кадыров. Он умер по дороге в больницу. В тот же день в Кремль к Путину привезли его младшего сына Рамзана. Он был в спортивном костюме, с трудом сдерживал слезы. Единственная фраза, которую он произнес на камеры, была: «Чеченский народ сделал свой выбор, и этот выбор – окончательный». Встреча Рамзана Кадырова с Путиным фактически означала, что президент тоже выбор сделал и он тоже окончательный: следующим главой Чечни назначается Кадыров-младший. Тому, впрочем, еще не исполнилось 30 лет, и по закону стать президентом он еще не мог. Но тем не менее начал готовиться к вступлению во власть. Сначала он руководил силовиками республики в качестве вице-преьера, потом стал премьером и только через три года – полномочным хозяином Чечни.

Гламурное лето

Лето 2004 года было, наверное, самым спокойным летом в истории Путина и, наверное, самым бессмысленным. Какая-либо государственная деятельность остановилась. Столица страны де-факто переместилась в Сочи – там поочередно отдыхали и работали все руководители государства.

Путин провел там почти весь август, туда к нему съезжались в гости зарубежные лидеры: сербский премьер Воислав Коштуница, белорусский президент Александр Лукашенко, армянский президент Роберт Кочарян, украинский президент Леонид Кучма с наследником – Виктором Януковичем.

В конце августа у Путина случилось дежавю. Как и четыре года назад, в конце первого лета его первого срока, случилась страшная трагедия. Тогда это была подлодка «Курск», теперь – два самолета, вылетевшие из московского аэропорта Домодедово. Они были взорваны прямо в воздухе террористками-смертницами. Чтобы не повторить ошибку четырехлетней давности, Путин немедленно приехал в Москву, провел совещание в Кремле, а потом вернулся в Сочи. Терракты случились за пару дней до предстоящих выборов нового президента Чечни (вместо погибшего Кадырова). Эти выборы должны были продемонстрировать, что новая пропутинская власть в республике абсолютно легитимна.

Выборы состоялись. Правда, многие приехавшие в Чечню журналисты свидетельствовали, что участки почти пусты, избиратели попросту боялись выходить из дома. Несмотря на это, официальная явка составила 85 %.

Через день в гости на сочинскую дачу Путина приехали Жак Ширак с Герхардом Шрёдером. Они заявили, что нет никаких сомнений в честности и легитимности чеченских выборов. Главный гештальт, с которым Путин вступал в должность президента, был закрыт. Война в Чечне была в прошлом, никто больше не интересовался тем, что там происходит. Сидя в роскошной сочинской резиденции, президент Франции и канцлер Германии заверяли Путина, что у них нет к нему никаких претензий.

Этот триумф был испорчен на следующий же день, 1 сентября 2004 года. Не успели Ширак и Шрёдер покинуть Сочи, как группа террористов захватила школу в городе Беслан, в 100 километрах от Грозного, в республике Северная Осетия. В заложниках оказались 1128 человек. Это был самый страшный теракт в истории России (масштабнее «Норд-Оста») – и самое наглядное доказательство того, что война в Чечне далека от завершения.

Путин снова прервал отпуск и прилетел в Москву. Чтобы не повторять ошибки с «Курском». А дальше власти повторили все прежние ошибки – даже в еще более страшном виде. Официальные сообщения занизили число заложников: по телевидению говорили, что их от 200 до 500. Потом власти уверяли, что террористы не предпринимали попыток вести переговоры. Притом, что выжившие свидетели говорили, что террористы передавали несколько видеокассет с записанными требованиями. Наконец, по официальной версии штурм школы 3 сентября был спровоцирован подрывом самодельного взрывного устройства внутри здания. Но по данным независимого расследования, проведенного депутатом Госдумы Юрием Савельевым, причиной смерти большей части заложников стал огонь, который велся снаружи школы, т. е. штурмовавшими сотрудниками спецслужб¹⁸.

В тот день, когда в Беслане хоронили погибших, в город приехали многие руководители государства: премьер-министр Фрадков, глава администрации президента Медведев, мэр Москвы Лужков, спикеры палат парламента, генпрокурор. Они не пошли на кладбище. Вместо этого они под камеры провели траурный митинг на центральной площади.

¹⁸ Савельев Ю. Беслан: правда заложников. <http://pravdabeslana.ru/doklad/oglavlenie.htm>

В городе весь день лил проливной дождь. Никто из жителей, потерявших в школе своих детей, на митинг не пришел. Никто из московских чиновников, стоявших перед телекамерами на трибуне под черными зонтами, не пошел на кладбище.

Расследование причин теракта проведено не было. Самое страшное преступление нулевых, по сути, осталось нераскрытым.

На следующий день после штурма Путин выступил с пространной философской речью, очень напоминавшей речь Джорджа Буша после терактов 11 сентября 2001 года. Правда, в отличие от терактов в Нью-Йорке, среди напавших на Беслан не было ни одного иностранца – все они были ингушами, чеченцами и русскими (изначально СМИ писали про найденный труп негра, но довольно скоро выяснилось, что это было просто сильно обгоревшее тело).

Начал Путин свою речь с воспоминаний о Советском Союзе: «Сегодня мы живем в условиях, сложившихся после распада огромного великого государства. Государства, которое оказалось, к сожалению, нежизнеспособным в условиях быстро меняющегося мира. Но, несмотря на все трудности, нам удалось сохранить ядро этого гиганта – Советского Союза. И мы назвали новую страну Российской Федерацией. Мы все ожидали перемен. Перемен к лучшему. Но ко многому, что изменилось в нашей жизни, оказались абсолютно не подготовленными».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.